

Манфред Кюн

КАНТ

| ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДЕЛО |

Манфред Кюн

Кант. Биография

Серия «Интеллектуальная биография»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67078912

*Кант: биография /Манфред Кюн; Перевод с английского А. Васильевой,
под научной редакцией К. Чепурина: РАНХиГС; Москва; 2021
ISBN 978-5-85006-268-2*

Аннотация

Это первая за более чем полстолетия полная биография Иммануила Канта, одного из гигантов западного философского пантеона, оказавшего наиболее мощное и всеобъемлющее влияние на современную философию.

Хорошо известно, что Кант провел всю жизнь в изолированной части Пруссии, ведя жизнь типичного университетского профессора. Это породило мнение, что Кант был чистым мыслителем, не имевшим собственной жизни, по крайней мере такой, которую стоило бы рассматривать всерьез. Манфред Кюн развеивает этот миф раз и навсегда.

Жизнь Канта (1724–1804) охватывает почти весь XVIII век, и период его зрелости совпадает с некоторыми из самых значительных изменений в западном мире, многие из которых до сих пор отражаются на нашей жизни. Это было время, когда зародилось современное мировоззрение, и из этой

биографии видно, что философия Канта была выражением этой новой концепции современности и откликом на нее. Его интеллектуальная жизнь отражает наиболее значительные явления того периода в области мысли, науки и политики, от литературного движения «Буря и натиск» до таких отдаленных событий, как Французская и Американская революции.

С учетом новейших исследований профессор Кюн позволяет читателю (независимо от того, интересуется ли тот философией, историей, политикой, немецкой культурой или религией) проследовать по тому же пути, по которому прошел сам Кант: от ученого, сосредоточенного на метафизических основаниях ньютоновской науки, до великого мыслителя, выступающего в защиту морали просвещенного гражданина мира.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Слова благодарности	7
Пролог	10
Глава 1	60
Раннее детство (1724–1731): «Наилучшее образование с нравственной точки зрения»	60
Школьные годы (1732–1740): «В рабстве у фанатиков»	113
Кёнигсберг: «Подходящее место для расширения, знания о мире»?	138
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Манфред Кюн

Кант: биография

Посвящается Маргрет

Kant
Manfred Kuehn
A Biography

Перевод с английского
Анны Васильевой
Под научной редакцией
Кирилла Чепурина

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© Cambridge University Press, 2001

This translation of “Kant: A Biography” by Manfred Kuehn
is published by arrangement with Cambridge University Press

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2021

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДЕЛО

Слова благодарности

Основание Североамериканского кантовского общества в 1986 году стало важным событием не только для кантоведения в Соединенных Штатах, но и для меня лично. Мне посчастливилось быть библиографом общества с момента его основания, и я рад отметить, что с тех пор кантоведение перестало быть уделом одиночек. Действительно, я во многом выиграл благодаря помощи друзей и коллег, с которыми я бы никогда не познакомился без этой организации. Не получится поблагодарить всех, кто оказал влияние на мою работу за все эти годы, но я хотел бы выразить особую благодарность покойному Льюису Уайту Беку, отцу-основателю общества. Как и многие, я в большом долгу перед ним. Уверен, эта книга значительно бы улучшилась, если бы можно было воспользоваться его советом, но, к сожалению, этому не суждено было случиться.

Однако мне посчастливилось получить помощь и совет у многих других. Я очень благодарен Терри Муру, который первым заставил меня задуматься о необходимости новой биографии Канта, а потом предложил мне ее написать. Без него эта книга никогда не была бы написана. Она так и осталась бы мечтой. Я обязан написанием этой книги и многим другим людям. Во-первых, моим друзьям в Марбурге, которые очень мне помогли не только в исследованиях, но и

в подготовке первого черновика. Бесспорны поддержка, помощь и дружба Хайнера Клемме, от начала и до конца. Даже не знаю, как его отблагодарить. Профессиональная консультация Вернера Штарка во многом улучшила работу и спасла меня от ряда серьезных ошибок. Вернер Эйлер щедро поделился со мной некоторыми из своих неопубликованных работ. Рейнхард Брандт, справедливо указавший мне на то, что биографию Канта можно написать только в Марбурге, тоже многим мне помог. Его комментарии к предпоследней версии текста были особенно важны.

Я благодарен также сотрудникам университетской библиотеки и библиотеки Института философии Марбургского университета имени Филиппа и Института Гердера в Марбурге. Я провел там немало приятных часов летом 1995 и 1997 годов, а также несколько дней в 1996 и 1998 годах. Часть подготовительной работы была выполнена при поддержке летнего гранта Национального фонда гуманитарных наук летом 1988 года и стипендии Центра гуманитарных исследований Университета Пёрдью осенью 1990 года. Эта поддержка изначально предназначалась для изучения развития философских взглядов Канта, и части этого исследования включены в данную книгу. Первый черновик в основном был написан при поддержке еще одной стипендии Центра гуманитарных исследований осенью 1995 года. Я также благодарен Роду Бертолею, заведующему кафедрой философии Университета Пёрдью, который поспособствовал моему

возвращению в Марбург в 1997 году.

Некоторые из моих коллег в Пёрдью, а именно Кэл Шраг, Уильям Макбрайд и Жаклин Маринья, любезно прокомментировали ранний набросок первых трех глав, а замечания и предложения Мэри Нортон и Рольфа Георге значительно улучшили финальную версию этих глав. Мартин Кёрд прочел несколько частей и прокомментировал их (некоторые комментарии я указал в тексте).

Карл Америкс, Майкл Гилл, Стив Нэрагон, Константин Поллок и Фредерик Раушер прочитали всю рукопись и оставили множество полезных комментариев, за которые я им очень благодарен. Карл Америкс и Майкл Гилл проявили особенно живой интерес к проекту, и их влияние чувствуется во всем. Даже окончательная версия этой книги едва ли способна адекватно отразить все, что я узнал от них.

Наконец, я хотел бы поблагодарить Маргрет Кюн за поддержку во время написания этой книги и других моих донкихотских мучений.

Пролог

I

Иммануил Кант умер 12 февраля 1804 года в 11 часов утра, до восьмидесятилетия ему оставалось меньше двух месяцев. Он был еще знаменит, но немецкие мыслители уже пытались выйти «за пределы» его критической философии. Он остался практически не у дел. Последний важный вклад в философскую дискуссию он внес почти пять лет назад – своим публичным «Заявлением по поводу наукоучения Фихте» от 7 августа 1799 года. В нем он ясно выразил убеждение, что все последние философские разработки имеют мало общего с его собственной критической философией и что он считает «наукоучение Фихте совершенно несостоятельной системой» и мало склонен принимать участие в «метафизике, построенной на принципах Фихте»¹. Призывая философов не выходить за рамки его критической философии, а отнестись

---

¹ Заявление было опубликовано 28 августа 1799 года. См.: Immanuel Kant, *Gesammelte Schriften*, 12, издание Прусской Академии наук (Berlin: Walter de Gruyter, 1902-), р. 370–371 (далее ссылки на это издание обозначаются Ак с номером тома и страницы); Иммануил Кант, “Заявление по поводу наукоучения Фихте (1799)”, в: Иммануил Кант, *Собрание сочинений: в 8 томах*, т. 8 (Москва: Чоро, 1994), с. 263 (далее ссылки на это издание обозначаются *Собр. соч.* с номером тома и страницы).

к ней серьезно, не только как к его последнему слову, но и как к последнему слову в метафизических вопросах в целом, он, по сути, сошел с философской сцены. Больше от него ничего нельзя было ожидать, во всяком случае ничего нового. Немецкая философия, а вместе с ней и философия Европы в целом, взяла курс, который он не мог одобрить. Однако эти события не имели никакого отношения к умирающему старику в Кёнигсберге. Некоторые говорили, что он изжил себя, – но они его больше не интересовали.

«Великий Кант действительно умер, как самый незначительный человек, но он умер так спокойно и тихо, что те, кто был рядом, ничего не заметили, кроме того, что он перестал дышать»². Смерти предшествовало постепенное и длительное угасание ума и тела, начавшееся в 1799 году, если не раньше. Сам Кант в 1799-м говорил своим друзьям: «Я стар и слаб, вы должны относиться ко мне как к ребенку»³. За много лет до смерти Канта Шеффнер считал необходимым отметить, что все признаки гения испарились. Как говорит-

---

² Так это сформулировал в 1804 году Иоганн Георг Шеффнер, старейший и в каком-то смысле самый близкий друг Канта. См.: Arthur Warda and Carl Driesch (eds.), *Briefe von und an Scheffner*, 5 vols. (Munich and Leipzig, 1916), II, p. 400.

³ *Wer war Kant? Drei zeitgenössische Biographien von Ludwig Ernst Borowski, Reinhold Bernhard Jachmann und E. A. Ch. Wasianski*, ed. Siegfried Drescher (Pfullingen: Nes-ke, 1974), p. 232 (далее ссылки на это издание даются как “Borowski, *Leben*”, “Jachmann, *Kant*” и “Wasianski, *Kant*” соответственно); Э. А. К. Васянский, “Иммануил Кант в последние годы жизни”, *Кантовский сборник* № 2 (40), 2012, с. 72.

ся, был Кант, да весь вышел⁴. Особенно в последние два года не осталось ни малейших намеков на некогда великий ум.

Его тело было настолько иссушено, что походило на «скелет, который можно было бы выставять напоказ». Как ни странно, именно это и было сделано. Тело Канта стало достоянием общественности на две недели. Люди стояли в очереди, чтобы увидеть его до погребения, а похороны прошли шестнадцать дней спустя. Главной проблемой стала погода. В Кёнигсберге было очень холодно, и земля настолько промерзла, что невозможно было выкопать могилу – как будто земля отказывалась принять то, что осталось от великого человека. Но и спешить не было нужды, учитывая состояние тела, а также большой интерес жителей Кёнигсберга к своей умершей знаменитости.

Сами похороны прошли торжественно и величественно. Собралась большая толпа. Многие кёнигсбержцы, большинство которых либо совсем не знали Канта, либо знали не очень хорошо, пришли посмотреть, как отправят на покой известного философа. Для похорон Канта переложили кантату, написанную на смерть Фридриха II: величайшего прусского философа почтили музыкой, написанной для величайшего прусского короля. За гробом следовала большая процессия, и *все* кёнигсбергские церкви звонили в колокола. Большинство горожан посчитали, что именно так и надо хоронить великого философа. Шеффнеру, последнему из

---

⁴ *Briefe von und an Johann Georg Scheffner*, II, p. 451.

оставшихся в живых друзей Канта, «все очень понравилось», как и большинству кёнигсбержцев. Хотя Кёнигсберг перестал быть политической столицей Пруссии в 1701 году, в умах многих горожан он оставался интеллектуальной столицей Пруссии, если не всего мира⁵. Кант был одним из самых важных горожан, их «королем-философом», даже если философы вне Кёнигсберга уже искали себе другого короля.

В день похорон было все еще страшно холодно; но, как это часто случалось в зимние дни в Кёнигсберге, очень светло и ясно. Шеффнер написал своему другу примерно месяц спустя:

Ты не поверишь, какая дрожь сотрясла все мое существование, когда первые замерзшие комья земли были брошены на его гроб – я все еще трепещу и умом, и сердцем...⁶

Не только холод заставлял Шеффнера дрожать. И не только страх собственной смерти, который мог пробудиться в нем при гулких ударах падавших на почти пустой гроб замороженных комьев земли. Дрожь, которая будет звучать в его голове днями и неделями, имела более глубокие причины. Кант, человек, ушел навсегда. Мир холоден, и не осталось никакой надежды – ни для Канта, ни, возможно, для кого-ли-

---

⁵ Кёнигсберг по-прежнему был местом коронации, там все еще располагались многие государственные учреждения. Но центральная власть находилась в Берлине.

⁶ Шеффнер – Людеке, 5 марта 1804 года, *Briefe von und an Scheffner*, II, p. 443.

бо из нас. Шеффнер слишком хорошо знал о вере Канта в то, что после смерти ожидать нечего. Хотя в своей философии он выражал надежду на вечную жизнь и будущее бытие, сам он был холоден к таким идеям. Шеффнер часто слышал, как Кант насмехался над молитвой и другими религиозными обрядами. Организованная религия наполняла его гневом. Любому, кто знал Канта лично, было ясно, что он не верит в личного Бога. Постулируя существование Бога и бессмертия, он не верил ни в то, ни в другое. Он был твердо убежден, что такие верования – всего лишь вопрос «индивидуальных потребностей»⁷. У самого Канта такой потребности не было.

Однако у Шеффнера, почти столь же знаменитого гражданина Кёнигсберга, как и Кант, такая потребность явно была. Шеффнер, один из самых почтенных и уважаемых горожан ко времени смерти Канта, утверждал, что является хорошим христианином, и, по всей видимости, таковым и был. Шеффнер был набожным, хоть и не строго ортодоксальным, членом конгрегации, и счастливо женат к тому же. Его благочестие не всегда было очевидно. В молодости он как поэт завоевал некоторую известность, хотя скорее дурную. Его всё еще помнили как (анонимного) автора сборника эротиче-

---

⁷ Johann F. Abegg, *Reisetagebuch von 1798*, Erstausgabe herausgegeben von Walter und Johanna Abegg in Zusammenarbeit mit Zwi Batscha (Frankfurt [Main]: Insel Verlag, 1976), p.147. См. также: Rudolf Malter and Ernst Sraffa, "Königsberg und Kant im 'Reisetagebuch' des Theologen Johann Friedrich Abegg (1798)," *Jahrbuch der Albertus-Universität Königsberg/Pr.* 26/27 (1986), p. 5–25, и *Briefe an und von Johann Georg Scheffner*, II, p. 184.

ских стихов на французский манер, наделавшего шума около сорока лет назад. Многим его стихотворения показались одними из самых непристойных среди всех, когда-либо написанных на немецком языке. Репутация Канта как неверующего могла бросить еще большую тень на его собственную репутацию. Кроме того, он должен был сомневаться в бессмертной душе Канта. Как друг, он принимал Канта всерьез. Стоит ли удивляться, что эти сомнения «околдовали» не только церемонию похорон Канта, но и саму жизнь Шеффнера?

Некоторые из самых праведных христиан Кёнигсберга сочли необходимым держаться подальше от похорон. Так, Людвиг Эрнст Боровский, занимавший высокое положение в лютеранской церкви Пруссии, один из первых студентов Канта и время от времени – гость за обедом в последние годы его жизни, которого многие считали другом Канта, остался дома – к большому разочарованию Шеффнера⁸. Но Боровский преследовал еще более высокие карьерные цели. Слишком хорошо зная шаткую репутацию Канта среди тех членов правительства, кто действительно имел вес, он понимал, что лучше на похороны не ходить. Он серьезно сомневался если не насчет нравственного облика Канта, то относительно его философских и политических взглядов, и делал то, что считал наиболее политически благоразумным.

На следующий день после смерти Канта *Königlich*

---

⁸ Scheffner, *Briefe von und an Scheffner*, II, p. 444.

Preußische Staats-, Kriegs- und Friedens-Zeitungen опубликовала заметку, в которой, среди прочего, говорилось:

Кант, в свои восемьдесят лет, умер совершенно изнеможенным. Все знают и чтут его достижения в пересмотре спекулятивной философии. Других его добродетелей – верности, доброжелательности, праведности и вежливости – будет особенно не хватать здесь, в его родном городе. Здесь память об ушедшем будет чтиться больше и продлится дольше, чем где-либо еще⁹.

Немногие могли бы поспорить с тем, что Кант действительно обладал такими добродетелями, как «верность, доброжелательность, праведность и вежливость», особенно выделенными в этой заметке. Тем не менее некоторые считали иначе. Одна из самых первых публикаций о жизни Канта, появившаяся в Кёнигсберге, стремилась поставить под вопрос доброжелательность, праведность и вежливость Канта, в то же время поднимая вопрос о его религиозных и политических взглядах. «Заметки о Канте, его характере и мнениях, высказанные честным поклонником его заслуг», вышедшие анонимно и без указания места публикации в 1804 году, почти наверняка были написаны Иоганном Даниелем Мецгером (1739–1805), профессором медицины (фармацевтики и анатомии) в Кёнигсбергском университете. Кант и Мецгер, казалось, нередко сходились во взглядах. Поскольку

---

⁹ Karl Vorländer, *Immanuel Kants Leben* (Leipzig: Felix Meiner, 1911), p. 207.

Кант проявлял большой интерес к медицине, они часто беседовали на эту тему. Но у них были разногласия по административным вопросам в университете. В результате Мецгер не раз пытался поставить Канта в неловкое положение, когда приходила очередь Канта быть ректором университета¹⁰.

Не совсем понятно, почему автор счел необходимым написать эту книгу. Ясно, что он питал к Канту неприязнь и решил, что надо всех просветить относительно его личной жизни. Мецгер поставил такой диагноз: «Кант не был ни хорошим, ни плохим»¹¹. Он не был особенно жестокосердным, но, с другой стороны, не был и особенно добросердечен. Мецгер намекал, что он, вероятно, никогда не давал денег никому, кроме ближайших родственников. На основании того факта, что Кант однажды отказался внести свою долю, когда собирали деньги для коллеги, чей дом сгорел дотла, Мецгер пришел к заключению, что Кант «был эгоистом в довольно значительной степени»¹². Впрочем, пояснил Мецгер, в этом, вероятно, нет его вины. Во-первых, как мизогин, Кант

---

¹⁰ Werner Euler and Gideon Stiening, “...und nie der Pluralität widersprach?” Zur Bedeutung von Immanuel Kants Amtsgeschäften,” *Kant-Studien* 86 (1995), p. 54–70, 59–60. См. также: Heinrich Kolbow, “Johann Heinrich Metzger, Arzt und Lehrer an der Albertus Universität zur Zeit Kants,” *Jahrbuch der Albertus Universität zu Königsberg* 10 (1960), p. 91–96.

¹¹ *Äußerungen über Kant, seinen Charakter und seine Meinungen, von einem billigen Verehrer seiner Verdienste* (Königsberg, 1804), p. 7.

¹² *Äußerungen über Kant*, p. 9.

никогда не был женат¹³. Во-вторых, почти все с почтением относились к Канту как к знаменитому писателю. В том числе и поэтому он не терпел несогласия. В самом деле, Мецгер говорит читателям, что Кант может и оскорбить, если осмелишься с ним не согласиться. И, словно этого было недостаточно, Мецгер указывает, что Кант имел наглость поддерживать принципы Французской революции, защищая их на обедах даже в самых благородных домах. Он не боялся попасть в черный список (как это бывало в Кёнигсберге). Кант был невежлив и бесчувственен. Кроме того, он плохо обращался со своими слугами. Даже его собственной необразованной сестре, которая заботилась о нем в предсмертные дни, не разрешалось обедать за его столом. «Разве Кант не придерживался достаточно широких взглядов, чтобы позволить сестре сидеть за столом рядом с ним?»¹⁴ Говорят, Кант признался перед смертью, что покидает «этот мир с чистой совестью, ни единожды не поступив несправедливо из злого умысла». Мецгер заключил: «Это кредо всех эгоистов»¹⁵.

Не желая много говорить о взглядах Канта на богословие, Мецгер не мог не отметить, что тот был «индифферентистом» – а может, и хуже. Он был несправедлив к богословам и не любил набожных людей. Он не слишком разбирал-

---

¹³ Тогда значение слова «мизогин» отличалось от сегодняшнего. Для Мецгера это означало просто «питающий отвращение к браку».

¹⁴ *Äußerungen über Kant*, p. 17.

¹⁵ *Äußerungen über Kant*, p. 19.

ся в юриспруденции и потому придерживался не самого высокого о ней мнения. Поскольку ему нравилась медицина, он позволял себе рассуждать о том, в чем не разбирался. Например, он ничего не знал об анатомии, но высказывался на темы, предполагавшие наличие такого знания. Он был непоследователен: будучи мизогинном, любил «Макробиотику» Хуфеланда, который утверждал, что брак увеличивает продолжительность жизни человека. Мецгер пишет, что не собирается оспаривать важность философии Канта. Он готов признать, что книги Канта внесли большой вклад в славу Кёнигсбергского университета, но как человек он был так себе.

Мецгер дает понять: работы Канта – великие, но сам Кант был вовсе не прекрасный человек: настолько мелочный, насколько вообще бывают люди, он разделял большинство их недостатков. В общем, Кант далеко не образец добродетели, а обычный человек. Он не был ни особенно хорош, ни особенно плох, но лучше студентам на него не равняться.

Мецгер решил написать эту короткую книгу из-за других книг о Канте, в которых его восхваляли¹⁶. Еще при жизни

---

¹⁶ Так, была книга *Kant's Leben. Eine Skizze. In einem Briefe eines Freundes an einen Freund* (Altenburg: C.H.Richter, 1799). Она была представлена как перевод «с английского». В том же году у того же издателя вышла книга на английском, “A Sketch of Kant's Life in a Letter from One Friend to Another from the German by the Author of the Translation of the Metaphysic of Morals.” Автором этой книги, по-видимому, был Джон Ричардсон, который вместе с Беком изучал философию Канта. Этот «очерк» не может быть идентичен «очерку Ричардсона», опубликованному в книге: Stephen Palmquist (ed.), *Four Neglected Essays by Immanuel Kant*

Канта было опубликовано несколько биографий, и все чрезвычайно лестные, но, по-видимому, Мецгера особенно задела одна, «Примечательные высказывания Канта, собранные одним из его застольных друзей» авторства Иоганна Готфрида Хассе (1759–1806), которая вышла незадолго до того¹⁷. Хассе был профессором восточных языков и богословия. Они с Кантом подружились после 1786 года, и Хассе часто приходил к Канту на обед, особенно в последние три года его жизни. Краткая работа Хассе не задумывалась «ни как набросок о его жизни, ни как биография» и не должна была «встать на пути кого-либо, кто мог бы сказать что-то более важное или лучшее о великом человеке». Вообще же его «Высказывания» примечательны лишь тем, что подтверждают недееспособность Канта в последние годы его жизни.

(Hong Kong: Philopsychy Press, 1994). Последний был написан позже. Более ранняя версия представляла собой перевод заметки “*Etwas über Kant,*” *Jahrbücher der preußischen Monarchie unter der Regierung Friedrich Wilhelms des Dritten*, I (1799), р. 94–99 (автор указан как “L. F.”). Во-вторых, существовало анонимное издание под названием *Fragmente aus Kants Leben. Ein biographischer Versuch* (Königsberg: Hering and Haberland, 1802), вероятно, написанное Иоганном Кристофом Мортцфельдом, доктором медицины, который жил в Кёнигсберге. Еще одна анонимная биография вышла в начале 1804 года под заглавием *Immanuel Kants Biographie*, vol. 1 (Leipzig: C.G. Weigel, 1804). Помимо этих больших биографических работ, было уже по крайней мере шестнадцать коротких публикаций, несколько публичных выступлений о Канте в Кёнигсберге и множество других сопутствующих материалов. Обсуждение ценности всех этих (и некоторых более поздних) источников см. в: Karl Vorländer, *Die ältesten Kant-Biographien. Eine kritische Studie* (Berlin: Reuther & Reichard, 1918).

¹⁷ 17. Johann Gottfried Hasse, *Merkwürdige Äusserungen Kant's von einem seiner Tischgenossen* (Königsberg: Gottlieb Lebrecht Herlage, 1804).

Хассе утверждал, что всего лишь хотел «выразить свою сердечную благодарность». И все же большинство друзей Канта считало, что лучше бы он этого не делал. В «Заявлении по поводу наукоучения Фихте» Кант вспоминает старую итальянскую поговорку «Боже, спаси нас только от наших друзей, с врагами же мы сами справимся!», и что «бывают добродушные, благожелательно к нам настроенные друзья, которые, однако, дабы споспешествовать нашим намерениям, ведут себя нелепо и бестолково»¹⁸. Книга Хассе была нелепой и бестолковой. Он восхвалял величие Канта и хотел привести примеры его выдающегося ума и благородного характера, но преуспел главным образом в том, чтобы поставить вопросы, интересные в совершенно других отношениях. Так, Хассе рассказывает нам о книге, которую Кант писал в последние дни. Престарелый философ сам иногда заявлял, что это будет «его главная работа... которая представит его систему как завершенное целое», но Хассе отмечает, что «будущему издателю следует отнестись к ней с осторожностью, потому что в последние годы Кант часто вычеркивал лучшие мысли, заменяя их худшими, и часто вставлял между ними много ерунды (например, что в данный день будет подано на обед)»¹⁹. Многие истории, которые рассказывает

---

¹⁸ Иммануил Кант, “Заявление по поводу наукоучения Фихте”, в: Кант, *Собр. соч.* 8, с. 264; Ak 12, p. 371.

¹⁹ Hasse, *Äusserungen Kant's*, p. 20n. Согласно Рюдигеру Сафрански, в одной из своих публикаций Хассе также пытался доказать, что Эдемский сад находился где-то рядом с Кёнигсбергом (в Замланде). См.: Рюдигер Сафрански, *Гофман*

Хассе, кажется, годятся лишь для того, чтобы подпитывать сомнения в умственных способностях Канта²⁰.

Это было еще не самое худшее в книге Хассе. Он ставил вопросы и о характере Канта, особенно о его преданности родным. Так, отметив, что Кант каждый год тратил значительную сумму на содержание родственников, Хассе пишет, что он «никогда не упоминал» о них. Он рассказал читателям и о том, что Кант никогда не отвечал на вопросы о родственниках, если их задавали, а когда в последние годы жизни за ним ухаживала сестра, пытался скрыть от друзей, кто она – «несмотря на то, что он давал ей еду со своего стола». В благодарность за заботу он попросил друзей «простить ей отсутствие культуры»²¹. В общем, «Примечательные высказывания Канта» Хассе представляют собой странную дань уважения. Неудивительно, что Шеффнер посчитал книгу подлой: «Наверно, не так-то просто втиснуть столько банальностей, мелочей и бестактностей в такую маленькую книгу»²². Мецгер, напротив, видел в неоднозначных высказываниях Хассе полезные напоминания об истинном характере Канта. Фактически его «Заметки о Канте» можно считать попыткой представить заметки Хассе в более подходящем свете.

(Москва: Молодая гвардия, 2005), с. 39.

²⁰ Поскольку Мецгер и Хассе были близки, оба будучи «иностранцами», то есть не уроженцами Кёнигсберга, можно задаться вопросом, не играли ли они в одну и ту же игру, то есть не сбивали ли с местных спесь.

²¹ Hasse, *Äusserungen Kant's*, p. 37П.

²² Scheffner, *Briefe von und an Scheffner*, II, p. 451.

Работы Хассе и Мецгера были не единственными биографическими повествованиями, изданными в Кёнигсберге в 1804 году, и не самыми важными. Вскоре их совершенно затмил проект, который начал издатель Канта, Фридрих Николовиус (1768–1836), позаботившийся о том, чтобы опубликовать сборник биографических заметок людей, хорошо знавших Канта на разных этапах его жизни. Николовиус был не одинок. В этом проекте участвовали и другие, например Шеффнер. Их общее дело должно было хотя бы отчасти предотвратить дальнейшие публикации наподобие книг Хассе и Мецгера. Задумка удалась. Получившаяся в результате книга, «Об Иммануиле Канте», стала считаться самым полным и надежным источником информации о жизни и характере Канта, но она вовсе не так надежна и подробна, как хотелось бы.

Тремя людьми, кто хорошо знал Канта в разные периоды его жизни и кто мог рассказать о его жизни, какой они ее знали, были Людвиг Эрнст Боровский, Рейнгольд Бернхард Яхман и Эрегот Кристоф Васянский. Все трое были богословами, родились и выросли в Кёнигсберге. Боровский знал Канта дольше всех, ходил на его лекции в 1755 году и оставался с ним в дружеских отношениях в начале шестидесятых. Он же был его оппонентом в диспуте по физической монадологии в 1756 году. Хотя он не мог лично рассказать о похоронах Канта, можно было рассчитывать, что он расскажет историю жизни Канта с самого раннего периода его пре-

подавательской деятельности до последних лет жизни. Яхман учился у Канта и близко с ним общался в 1783–1794 годах²³. Будучи его *amanuensis*, или ассистентом, он хорошо знал Канта в те годы, когда тот публиковал свои самые известные работы. Он мог со знанием дела говорить о восьмидесятих и девяностых годах. Васянский был дьяконом, который заботился о Канте в последние годы жизни. Он учился в Кёнигсбергском университете в 1772–1780 годах. Фактически, как и Яхман, он был *amanuensis* Канта. Он мог бы многое рассказать о Канте в семидесятые годы, но, как ни странно, ничего об этом не говорит, ограничиваясь исключительно последними годами жизни философа. После того как Васянский в 1780 году ушел из университета, он не общался с Кантом десять лет, и они снова встретились только в 1790 году на одной свадьбе. Кант, по-видимому, тут же пригласил его на свои постоянные обеды и постепенно стал на него полагаться. С каждым годом он доверял ему все больше и больше личных дел. И действительно, Васянский в конечном счете заслужил полное доверие Канта. Поскольку Кант выбрал его личным секретарем и помощником, а также душеприказчиком, Васянский очень хорошо знал подробности жизни престарелого Канта.

Трое этих богословов должны были внести ясность: пове-

---

²³ Сам он утверждал, что просидел на лекциях Канта *девять* лет. Поскольку он получил степень магистра в 1787 году, он, должно быть, посещал занятия Канта, даже будучи уже молодым магистром. См.: Jachmann, *Kant*, p. 142.

дать публике, кем на самом деле был Кант, и удостовериться в том, что другие, рассказывающие всего лишь анекдоты, не могут повредить его репутации. Таким образом, проект был по сути апологетическим. Как таковой, он получил благословение ближайших друзей Канта в Кёнигсберге. В каком-то смысле они объединились, чтобы «спасти» доброе имя Канта. Важно понимать эту функцию книги «Об Иммануиле Канте», поскольку она объясняет, почему некоторые мысли в книге особенно подчеркнуты, в то время как другие сглажены. Апологетический характер проекта объясняет и несколько монохромную картину жизни Канта, складывающуюся из трех биографий. Его авторы прекрасно понимали, что есть ряд вещей, «неприемлемых для публики»²⁴. Кроме того, у каждого из них были свои предрассудки и взгляды, которые могли только препятствовать объективному повествованию о жизни и творчестве Канта в целом. Для начала, от этих трех кёнигсбергских богословов нельзя было ожидать красочного портрета «всесокрушающего» философского либертина, аудиторией которого был весь мир. Скорее они набросали, серым по серому, тусклые очертания жизни

---

²⁴ В экземпляре биографии, который хранился у самого Васянского, вместе с напечатанными были переплетены пустые страницы, на которых он писал «заметки, неприемлемые для публики». Позже их опубликовал Пауль Цыган (Czygan) как “‘Anmerkungen, die nicht fürs Publikum gehören’ aus Wasianskis Handexemplar,” *Sitzungsbericht der Altertumsgesellschaft Prussia* 17 (1891/92), p. 109–140, но они не особенно интересны. См. также: Vorländer, *Die ältesten Kant-Biographien*, p. 28–29.

и привычек старика, который, так уж как-то получилось, написал прославившие его книги. Почти ничего не рассказывая нам о первых шестидесяти годах жизни Канта, но с лихвой – о последних двадцати или около того, они в каком-то смысле продолжили традицию, начатую Хассе и Мецгером. И все же именно их картина все еще во многом определяет наш взгляд на Канта. Кант превратился в «плоского персонажа», единственная удивительная черта которого в полном отсутствии каких-либо сюрпризов.

Некоторые из друзей Канта считали, что единственным, кто действительно мог написать и о Канте как человеке, и о его идеях, был Христиан Якоб Краус, бывший студент Канта, давний друг и коллега по философии. Но Краус отказался это сделать. Шеффнер пояснил это так: «Краус – единственный, кто мог бы о нем написать; однако легче отрезать ножом кусок гранита, чем заставить его подготовить что-либо к публикации»²⁵. Мы не знаем, один ли перфекционизм Крауса удерживал его от написания биографии Канта. Могли быть и другие причины.

Кант и Краус в какой-то момент поссорились. Они не избегали друг друга на исходе жизни, но и не разговаривали. Некоторые думали, что между ними существует какое-то соперничество – и вероятно, так оно и было. Мецгер, очернявший характер Канта, восхвалял Крауса. Мы не знаем, было ли это причиной отказа Крауса. Мы знаем только, что

---

²⁵ Scheffner, *Briefe von und an Scheffner*, p. 448.

он никогда ничего не писал о Канте. Шеффнер, возможно, был бы даже лучшим кандидатом, но не проявил интереса, точнее говоря, он настаивал на Боровском²⁶. Еще одним человеком, который мог бы заставить по-новому взглянуть на Канта, был Карл Людвиг Пёршке (1752–1812), профессор поэзии в Кёнигсбергском университете. Ранний поклонник Фихте в Кёнигсберге, он написал ему в 1798 году, что Кант больше не способен к «устойчивому мышлению» и что он удаляется от общества:

Поскольку мне часто приходится говорить с ним по четыре часа подряд, я очень хорошо знаю его физическое и психическое состояние; он ничего от меня не скрывает. Из личных разговоров я знаю историю его жизни, начиная с самых ранних лет его детства; он познакомил меня с мельчайшими обстоятельствами своего пути. Это будет полезно, когда стервятники поднимут шум над его могилой. В Кёнигсберге есть немало людей, у которых готовы биографии и стихотворения об умершем Канте²⁷.

К сожалению, Пёршке тоже не опубликовал биографии Канта.

Позже другие друзья Канта в Кёнигсберге издали некото-

---

²⁶ Боровский несколько раз ссылаясь на Шеффнера и на то, что Шеффнер мог бы сказать, во второй половине своей биографии.

²⁷ Rudolf Malter, *Kant in Rede und Gespräch* (Hamburg: Felix Meiner, 1990), p. 442. Эта книга – незаменимый источник для всех, кто интересуется жизнью Канта.

рые впечатления о нем. Они добавили там деталей, тут анекдотов, но уже нарисованная картина принципиально не изменилась, и какого-то пересмотра не произошло²⁸. Опираясь на те же самые стереотипы, они довольствовались тем, чтобы поддерживать картину, представленную официальными биографами. Особенно это касается Фридриха Теодора Ринка (1770–1811) и его «Взглядов из жизни Иммануила Канта» (1805). Ринк, который учился у Канта в 1786–1789 годах и был частым гостем на его обедах в периоды с 1792 по 1793-й и с 1795 по 1801 год, тоже мало говорил о молодости Канта, а все больше о старике. Он подтвердил картину, созданную Боровским, Яхманом и Васянским. Как и они, Ринк был заинтересован в том, чтобы защищать роль пиетизма в кёнигсбергской культуре²⁹. Все остальные биографии, появившиеся при жизни Канта или вскоре после его смерти, еще менее надежны, и их следует использовать с величайшей осторожностью. Большинство из них основаны просто на слухах, а не на каком-то непосредственном знании о Канте и Кёнигсберге. Поэтому нам приходится полагаться главным образом на трех кёнигсбергских богословов.

Самой интересной из более поздних публикаций была «Кантиана. Данные о жизни и работах Канта» Рудольфа Рей-

---

²⁸ Friedrich Theodor Rink, *Ansichten aus Immanuel Kant's Leben* (Königsberg: Göbbels and Unzer, 1805). См. также: Christian Friedrich Reusch, *Kant und seine Tischgenossen. Aus dem Nachlasse des jüngsten derselben* (Königsberg: Tag and Koch, 1848, опубл. без даты).

²⁹ Rink, *Ansichten*, p. 15–17, 75, 128–131.

ке (1860)³⁰. Он перепечатал материалы, собранные для лекции в память Канта, которая была прочитана в апреле 1804 года. Кое-какие детали в этой работе противоречат утверждениям в стандартных биографиях, хотя кажется, что некоторые официальные биографы тоже имели доступ к этой информации. Можно задаться вопросом, почему они пренебрегли этими деталями.

Боровский – наименее надежный из трех биографов. Он неохотно участвовал в проекте, согласившись опубликовать свои воспоминания только после долгих уговоров со стороны нескольких друзей (включая Шеффнера). Сам он никогда не устал подчеркивать свои сомнения относительно издания биографического очерка. Если бы на него не надавили друзья, он мог и вовсе отказаться. Причины его нежелания понять нетрудно. Многие современники считали, что доктрины Канта в ответе за пустые церкви на воскресных службах в Кёнигсберге и в других местах. В довершение, некоторые из наиболее радикальных священнослужителей сами были кантианцами. Боровский был скорее консерватором, а кроме того – оппортунистом, без особых раздумий подчинявшимся приказам королевских министров. Он считал, что если он будет одобрять или защищать Канта, это не поможет его карьере. Если это и не положило бы конец его продвиже-

---

³⁰ Rudolph Reicke, *Kantiana. Beiträge zu Immanuel Kants Leben und Schriften* (Königsberg: Th. Theile's Buchhandlung, 1860).

нию, то вполне могло ему помешать³¹.

С другой стороны, Боровский предполагал – по крайней мере подспудно, – что у него есть необходимая для биографа Канта квалификация. Он утверждал, что биографом должен быть не только тот, о ком можно сказать, что он знает, о чем говорит, но и тот, о ком можно сказать, что он обладает «*волей* правильно связать факты». Он ловко предоставил читателю право самому решить на основании его «довольно простого повествования», может ли он «дать честное и верное изложение и дает ли он его»³². Более пристальный взгляд на повествование Боровского показывает, что оно далеко не простое. Его воспоминания – это сборник довольно разрозненных глав, и больше напоминают коллаж, чем стройный рассказ. Первая глава под названием «Очерк будущей достоверной биографии прусского философа Иммануила Канта» датирована октябрём 1792 года. В то время Боровский подготовил краткий биографический очерк о Канте для Немецкого общества Кёнигсберга. Как показывает переписка между Боровским и Кантом, включенная в предисловие, Боровский показал Канту черновик этого очерка. Кант его просмотрел и внес несколько исправлений. Боровский указывает, что это были за исправления, но не всегда готов доверять

---

³¹ Хотя Фридрих Вильгельм III был относительно толерантен, Кант испытывал огромные трудности при его предшественнике. Кроме того, Боровский знал, что обстоятельства могут быстро измениться.

³² Borowski, *Leben*, p. 29.

Канту. Поэтому, хотя Кант вычеркнул утверждение, что он сначала изучал богословие, Боровский настаивал на том, что Кант не мог его не изучать. За этим очерком следует другой рассказ. Он покрывает тот же материал, что и очерк, но был написан в 1804 году для этой публикации. Поскольку в последние годы жизни Канта Боровский не был к нему особенно близок, он полагался как на источник информации на пастора Георга Михаэля Зоммера (1754–1826)³³. За этими двумя повествованиями следуют документы из жизни Канта, а также комментарий Боровского к другой биографии³⁴. Комментарий и книга заканчиваются странным предупреждением: «Не следует слишком много *писать* о том, кого нет в живых»³⁵.

Боровский последовал собственному совету. Мы определенно мало что узнаём о жизни Канта – и особенно о раннем периоде. Книга содержит ряд ошибок, как очевидных, так и не очень³⁶. Кроме того, Боровский многого не рассказывал, поскольку считал какие-то вещи неуместными, даже если они были правдой. В то же время он включил немало того, что казалось ему уместным, даже если это не было, строго

---

³³ Зоммер учился у Канта (начиная с осеннего семестра 1771 года). Позже он стал его хорошим другом. Оба питали интерес к химии. Начиная с 1784 года он был помощником инспектора во Фридрициануме.

³⁴ Имеется в виду первый том биографии Канта, вышедший в Лейпциге в 1804 году, который, вероятно, написал Меллин.

³⁵ Borowski, *Leben*, p. 127.

³⁶ См.: Vorländer, *Die ältesten Kant-Biographien*, p. 16–17, 23–24, 27.

говоря, правдой. Вероятно, слишком суровым приговором было бы утверждать, что его книга – своего рода упражнение в запутывании, но это не так уж далеко от истины. Это должно быть ясно уже из названия, которое гласит: «Изложение жизни и характера Иммануила Канта, тщательно проверенное самим Кантом, написанное Людвигом Эрнстом Боровским, Королевским прусским церковным советником». Как мы видели, если что-то и было тщательно *проверено* Кантом, то лишь менее трети того, что опубликовал Боровский, и вряд ли Кант проверил даже эту часть *тщательно*. Как сам Кант говорит в письме, включенном Боровским, он позволил себе только «удалить и изменить некоторые вещи». Поэтому лучше назвать проверку Канта скорее *поверхностной*, нежели тщательной. Во-вторых, Кант вообще не видел двух третей биографии. Второе повествование особенно интересно в этом отношении. Утверждения Боровского в этой части работы нужно внимательно сопоставить с тем, что мы читаем в первой части, поскольку здесь он больше толкует и характеризует жизнь и личность Канта, не ограничиваясь простым изложением фактов и событий, с которыми мы сталкиваемся в той части, которую видел Кант. Во второй части больше морали истории жизни Канта, чем самой жизни, – что не означает, конечно, что в первой части так уж много именно жизни. Мораль эта пронизана «сердечными пожеланиями» самого Боровского о том, что хорошо бы Кант выбрал другую жизнь, а не ту, которая была у него в действительности.

Боровский хотел бы, чтобы Кант

...не просто рассматривал бы положительную религию, а именно христианскую, как потребность государства или как институт, которому следует позволить существовать ради тех, кто слаб (что сейчас многие вослед ему даже проповедуют с кафедры), но чтобы он принял и действительно познал то твердое, здоровое и счастливое, что есть в христианстве. чтобы он не рассматривал Библию просто как приемлемое средство для руководства простыми людьми и их просвещения. чтобы он смотрел на Иисуса не как на олицетворенный идеал совершенства, а как на посланника и Сына Божьего, Спасителя человечества, что хорошо засвидетельствовано. чтобы он не отрицал из страха впасть в мистицизм значительной ценности истинных благочестивых чувств, чтобы он участвовал в общественном *культе* и в таинствах, полных благодати Господней. чтобы во всем этом он был ярким примером для тысяч своих учеников. Насколько более он мог бы сделать хорошего!³⁷

Интересно, что первый вариант биографии Канта Боровский написал еще незадолго до королевского *Maßregelung*, или осуждения религиозных взглядов Канта. Хотя тогда уже и появились признаки неприятностей, Боровскому, похоже, в 1792 году о них не известно. В 1804 году он уже даже слишком хорошо знал об этой проблеме, и это часто вносило по-

---

³⁷ Borowski, *Leben*, p. 105–106.

правки в якобы «довольно простое повествование».

Вера самого Боровского мешала «честному и верному изложению» сильнее, чем принято считать. История, которую он рассказывает, сложнее истории Мецгера, но она основана на аналогичных оговорках и потому чревата двусмысленностями. Действительно, существуют свидетельства того, что Мецгер и Боровский были друзьями, так что последний не хотел критиковать Мецгера. И очень жаль. Повествование Боровского важно в основном из-за информации о жизни Канта до 1783 года, и нет никакого другого подробного рассказа об этом периоде. Он упустил многое, что могло бы быть интересным, — или потому, что не посчитал это важным, или не зная фактов.

Во всяком случае, понятно, что беспокоило Боровского. Он не одобрял религию Канта. Трудно хвалить Канта, отвергая и его религиозную теорию, и его религиозную практику. Безусловно, он восхвалял Канта как нравственного человека, но проблема его отношения к религии никуда не исчезала. Боровский чувствовал, что вынужден оправдываться. Таким образом, написанная им биография иногда похожа на попытку защитить Канта: Кант не похож на своих последователей, он действительно был хорошим человеком. Кроме того, Кант не похож на свою философию; и даже его труды, если правильно их понять, не так уж вредны для христианской религии, как может показаться. Везде, где только возможно, Боровский напирал на твердое пиетистское воспита-

ние Канта, придавая этому воспитанию и этой связи большее значение, нежели в действительности. Поэтому его повествование следует тщательно сверять с другими источниками и дополнять ими. К счастью, такие источники существуют, пусть они и не получили должного внимания.

Яхман, который в 1804 году был директором школы недалеко от Кёнигсберга, тоже ранее обращался к Канту по поводу возможности написания его биографии. В 1800 году он попросил Канта ответить на пятьдесят шесть вопросов о его жизни³⁸. Кант так и не ответил. Почему, мы не знаем. Интересно, что хотя Яхман утверждает в биографии, что Кант попросил его ее написать, письмо самого же Яхмана (а это более надежный источник) свидетельствует о том, что именно он первым обратился к Канту. Он выразил желание написать биографию, поскольку «весь мир жаждет прочесть вашу подлинную биографию и с огромной благодарностью признает ваш собственный вклад в нее»³⁹. У Яхмана, в отличие от Боровского, не было претензий к Канту, и он, по крайней мере в этом смысле, более надежен, чем Боровский. Его собственное мировоззрение было более «либеральным» или более «кантовским», что подтверждает «Исследование философии религии Канта в отношении приписываемого ей сходства с чистым мистицизмом» 1800 года, где он защи-

---

³⁸ См.: Ak 12, p. 323–324.

³⁹ Ak 12, p. 322.

щал Канта от некоторых обвинений⁴⁰. Однако преданность Яхмана Канту вызывает другие проблемы. В его биографии собрано все самое хорошее, что можно сказать о Канте, он написал ее с точки зрения ученика, некритически обожающего своего учителя. Другая проблема состоит в том, что он смотрел на Канта с теологической точки зрения: упор на теологию придавал особое направление его повествованию о жизни Канта. Так, Яхман утверждал, что Кант любил читать лекции богословам и надеялся, что «яркий свет рациональных религиозных убеждений прольется над его отчизной», добавив, что Кант «не обманулся, ведь множество апостолов отправились учить Евангелию царства разума»⁴¹. Весьма сомнительно, чтобы у Канта были такие миссионерские порывы. Повествование Яхмана само по себе тоже имеет ограниченную ценность для истинного понимания жизни Канта, и поскольку мы можем сверить его с гораздо большим кругом других источников, чем в случае с Боровским, оно менее важно. Кант был уже знаменит, когда Яхман стал его учеником, и привлекал в Кёнигсберг множество приезжих. Знакомые уделяли ему больше внимания, когда он прославился, чем когда он был молод и неизвестен.

Васянский, к сожалению, ограничился рассказом о последних годах жизни Канта. На самом деле, странно, как ма-

---

⁴⁰ Немецкое название: *Prüfung der Kantischen Religionsphilosophie in Hinsicht auf die ihr beygelegte Ähnlichkeit mit dem reinen Mysticismus*.

⁴¹ Jachmann, *Kant*, p. 144.

ло он говорит о Канте, учившем его философии в семидесятые годы. Поскольку последние годы жизни Канта наименее интересны для понимания основ его философии, это повествование об угасании и смерти Канта почти не имеет значения для понимания его жизни и мысли. Васянский очень дорожил бывшим учителем, он действительно трогательно рассказывает о последних днях его жизни, но временами Васянский вовсе не сдерживает себя. Его анекдоты о странностях Канта немногим лучше, чем анекдоты Хассе. Более того, поскольку он считал, что не просто шлифует образ старика, но и занимается предоставлением материала «для некоторых антропологических и психологических наблюдений», он работает на другую аудиторию. Когда он пишет в таком настроении, Кант для него – объект наблюдений, интересный «случай», а не человек, который ему безразличен. Его история «случая» смерти старика не говорит ничего существенного о Канте-философе и о его жизни в молодые годы.

По сути, самый большой недостаток в картине, нарисованной тремя биографиями, состоит в том, что они почти исключительно основаны на последних полутора десятках лет жизни Канта, то есть примерно с шестидесяти пяти до восьмидесяти лет. О Канте тридцати, сорока и пятидесяти лет сказано очень мало, а о двадцатилетнем Канте почти ничего. Все утверждения о почти механической регулярности жизни Канта – его обедах, его отношении к своему слуге, его странных взглядах на повседневные вопросы, всё то, что ста-

ло неотъемлемой частью стандартного образа Канта, – на самом деле больше фиксирует признаки его преклонного возраста и упадка сил, чем раскрывает характер человека, задумавшего и написавшего произведения, которые принесли ему славу.

К лучшему или худшему – хотя в основном к худшему, – именно эти три биографических очерка представляют собой самые подробные, пусть и не всегда самые надежные источники, повествующие о жизни Канта. Можно только сожалеть, что их авторы были не самыми квалифицированными и не самыми надежными свидетелями. Порой их намерения очевидны. Когда, например, Боровский обнаруживает, что «в конечном счете учение Канта о нравственности полностью совпадает с христианским», мы знаем, что заставляет его так говорить, и можем не принимать эти слова во внимание⁴². Когда Яхман пытается преуменьшить энтузиазм Канта по отношению к Французской революции, показывая, что в целом он был верным гражданином Пруссии, Яхмана больше волнует современная политика, чем желание дать Канту правдивую характеристику⁴³. Даже когда эти намерения не столь очевидны, они присутствуют повсеместно⁴⁴. Авторы

---

⁴² Borowski, *Leben*, p. 63. Он утверждает, что Кант это понимал.

⁴³ Jachmann, *Kant*, p. 178–180.

⁴⁴ Я буду обращать внимание читателя на такие факторы, когда это будет уместно. Вот один пример: Боровский говорит, что Мартин Кнутцен, один из университетских профессоров-пиетистов, умер в 1756 году (когда Кант уже преподавал в университете) и что Кант (естественно) подал заявку на эту должность. Но

больше заинтересованы защитить то, что они считали добрым именем Канта (и Кёнигсберга), чем представить объективное повествование. Они дают нам идеологически искаженный взгляд на Канта, больше обязанный стереотипам эпохи, чем характеру того, кого они описывают. Мы получаем карикатуру, а не портрет – благонамеренную, но ничего не отражающую и даже без намека на иронию.

В конечном счете именно из-за этой карикатуры немецкие романтики поверили в человека, который был целиком мыслью, а не жизнью⁴⁵. Генрих Гейне резюмировал эту точку зрения следующим образом:

Изобразить историю жизни Иммануила Канта трудно. Ибо не было у него ни жизни, ни истории. Он жил механически-размеренной, почти абстрактной жизнью холостяка в тихой, отдаленной улочке Кёнигсберга – старинного города на северо-восточной границе Германии. Не думаю, чтобы большие часы на тамошнем соборе бесстрастнее и равномернее исполняли свои ежедневные внешние обязанности, чем их земляк Иммануил Кант. Вставание, утренний кофе, писание, чтение лекций, обед, гуляние – все совершалось в определенный час, и соседи знали

Кнутцен умер в 1751 году. Можем ли мы действительно предположить, что Боровский *не* знал, что Кнутцен умер за пять лет до того, как сам Боровский поступил в университет? Боровский был заинтересован в том, чтобы указать на преемственность между Кнутценом и Кантом, которой попросту не существовало.

⁴⁵ Слово «карикатура» взято из: F.A.Schmid, “Kant im Spiegel seiner Briefe,” *Kant-Studien* 9 (1914), p. 307–308.

совершенно точно, что на часах – половина четвертого, когда Иммануил Кант в своем сером сюртуке, с камышовой тросточкой в руке выходил из дому и направлялся к маленькой липовой аллее. <...> Восемь раз проходил он ее ежедневно взад и вперед во всякое время года, а когда бывало пасмурно или серые тучи предвещали дождь, появлялся его слуга, старый Лампе, с тревожной заботливостью следовавший за ним, словно символ провидения, с длинным зонтом под мышкой⁴⁶.

Интересный образ, но он больше похож на карикатуру карикатуры. Друзья Канта в Кёнигсберге предпочитали Канта без истории Канта с сомнительной историей. Гейне, как и многие романтики, не любил философию Канта по той же причине, по которой ему не нравилась его жизнь. И то и другое было, с его точки зрения, слишком «обычным» или «расхожим»⁴⁷.

Георг Зиммель позже говорил о «несравненной личностной черте философии Канта», которую он видел в «ее уникально безличной природе». Кант был «концептуальным калекой», его мышление было «историей головы (*Kopf*)», а не реальной личности⁴⁸. Так, когда Арсений Гулыга, как Гей-

---

⁴⁶ Генрих Гейне, “К истории религии и философии Германии”, в: Генрих Гейне, *Собрание сочинений: в 10 т.*, т. 6 (Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1958), с. 96–97.

⁴⁷ Следует помнить, что слова «обычный» и «расхожий» в XVIII веке не несли того уничижительного оттенка, который они приобрели главным образом в результате влияния романтизма.

⁴⁸ См.: Gerhard Lehmann, “Kants Lebenskrise,” in Gerhard Lehmann, *Beiträge zur*

не и многие другие до него, утверждает сегодня, что «у Канта нет иной биографии, кроме истории его учения»⁴⁹, он присоединяется к хору голосов, восходящих к романтикам. Если Гулыга и Гейне правы, то Кант составляет исключение из утверждения Ницше, что «до сих пор всякая великая философия [была] самоисповедью ее творца, чем-то вроде *mémoires*, написанных им помимо воли и незаметно для самого себя»⁵⁰. Ницше следовало бы сделать для Канта исключение. Поскольку у Канта не было жизни, он не мог и написать *мемуаров*.

Кант, с этой точки зрения, ушел даже дальше Декарта, которого, согласно популярной в XVIII веке истории, всегда сопровождала в путешествиях «механическая кукла в полный рост, которую... он сам сконструировал, „чтобы показать, что животные – всего лишь машины и не имеют души.“ Декарт и кукла были, очевидно, неразлучны, и говорят, что он спал, уложив ее в сундук рядом с собой»⁵¹. Канту, кажется, действительно удалось самому превратиться в машину.

Существует по крайней мере одно недавнее психоаналитическое исследование, где ставится цель поднять серьез-

---

Geschichte und Interpretation der Philosophie Kants (Berlin: de Gruyter, 1969), p. 411-421, p. 413.

⁴⁹ Арсений Гулыга, *Кант* (Москва: Молодая гвардия, 1977), с. 5.

⁵⁰ Фридрих Ницше, “По ту сторону добра и зла”, в: Фридрих Ницше, *Сочинения: в 2 т.*, т. 2 (Москва: Мысль, 1996), с. 244.

⁵¹ Stephen Gaukroger, *Descartes: An Intellectual Biography* (Oxford: Clarendon Press, 1995), p. 1.

ные вопросы о философии Канта. Оно основано на рассказах Боровского, Яхмана и Васянского. Хартмут и Гернот Бёме утверждают, что «ложная невинность биографии Канта и ее идеализация в равной степени являются симптомами того типа мышления, которое овладело его жизнью и которое стало изображаться как безобидное»⁵². Братья Бёме утверждают, что ни жизнь Канта, ни его мысли не были безобидными или невинными. Его мышление характеризовалось насильственными структурами, подавленными страхами, тревогой и стратегиями подавления. Они объявляют эти особенности его мышления последствиями деформированной, «механизированной» жизни. Хотя Бёме убедительно аргументировали свою точку зрения, пусть и не всегда на основе фактов, они, вероятно, ошибаются. Жизнь Канта, которую они «анализируют», принадлежит не Канту, она выдумана другими. Если их точка зрения и имеет какую-либо ценность – а я в этом не вполне уверен – то ценность ее заключается больше в разъяснении сил, оказывавших воздействие на жизни Боровского, Яхмана и Васянского, чем в описании сил, игравших роль в жизни самого Канта. Мне бы хотелось показать, что разница тут принципиальна⁵³. Попытка братьев Бёме сделать

---

⁵² Hartmut Böhme and Gernot Böhme, *Das Andere der Vernunft. Zur Entwicklung von Rationalitätsstrukturen am Beispiel Kant* (Frankfurt [Main]: Suhrkamp Verlag, 1983), p. 428–429.

⁵³ Некритическое принятие братьями Бёме психоаналитического и герменевтического подхода резко контрастирует с их гиперкритическим взглядом на все рациональное. Другая сторона их подхода, а именно «критическая теория»

Канта интереснее кажется мне неудачной. Какой бы ни была его жизнь, это вовсе не хороший пример «структур рациональности», характеризующих современную жизнь.

Карл Форлендер, наиболее детально изучавший жизнь Канта, подчеркивает «взаимодополняющий» характер трех биографий. Вместо этого можно было бы говорить о «соучастии» и «комплиментарности»⁵⁴. «Официальные» биографы Канта на самом деле и не пытались представить непредвзятый рассказ. Их очерки намеренно предлагали определенный образ Канта, хорошего и добропорядочного гражданина, который вел несколько скучную жизнь типичного профессора. Можно не сомневаться, что многое из того, что эти биографы посчитали опасным для репутации Канта, вряд ли сегодня выглядело бы опасным. Кое-какие из предполагаемых недостатков последующие поколения могут даже посчитать достоинствами, а некоторые из предполагаемых достоинств сегодня выглядят не так уж хорошо. Те черты характера Канта, о которых мы не знаем, могли бы вызвать новые интересные вопросы о личности этого человека и о его мыслях.

Трудно, если не невозможно, пробиться через эти тексты к историческому Канту, но это не означает, что не стоит попытаться. Ситуация в каком-то смысле аналогична ситуации

франкфуртского происхождения, совершенно не согласуется с их постфрейдистскими размышлениями.

⁵⁴ Rudolf Malter, "Einleitung," in Karl Vorländer, *Immanuel Kants Leben*. 4th ed. (Hamburg: Felix Meiner, 1986), p. xix.

с Сократом и Иисусом, хотя, возможно, не столь проблематична. В конце концов, есть тексты, написанные самим Кантом. Обширная кёнигсбергская переписка дает нам некоторое представление о том, каким Канта видели на протяжении его жизни. Существуют источники, предоставленные другими известными жителями Кёнигсберга, что позволяет нам добавить красок в его жизнь. Наконец, есть Мецгер, которого обычно просто отвергают как «ненадежного». Но что здесь означает «ненадежный»? В конце концов, он знал покойного Канта, пусть даже не так близко, как Васянский. Он знал его как коллегу по университету, а значит, знал его в той роли, в которой Васянский знать не мог. Кант повлиял на него отрицательно, но это не значит, что его суждение следует просто сбросить со счетов. Боровский не намного надежнее Мецгера, точнее, к Боровскому следует относиться с той же осторожностью, что и к Мецгеру, а поскольку Яхман и Васянский занимаются «агиографией», на них тоже следует ссылаться с осмотрительностью.

Таким образом, я вынужден не согласиться с теми, кто считает, что любой, кто пишет биографию Канта, должен принять традиционный взгляд на свидетельства. Рудольф Мальтер резюмировал этот взгляд следующим образом:

Порядок очередности давно признанных свидетельств остается в силе: помимо редких автобиографических высказываний Канта и основополагающей для любой биографии переписки,

три биографии [Боровского, Яхмана и Васянского] являются основой наших знаний о Канте, его жизни, личности и общении с жителями Кёнигсберга⁵⁵.

Биографию Боровского, хоть она и важна, нельзя поставить в один ряд с биографиями Яхмана и Васянского. Переписку Гамана, Гердера, Гиппеля, Шеффнера и других следует считать лучшим источником, чем биографические очерки Боровского, Яхмана и Васянского. Если рассказ Боровского не совпадает с источниками, независимыми от биографической традиции, такими как отрывки из писем современников Канта, нужно следовать независимым свидетельствам. В любом случае, если мы отнесемся к трем официальным биографиям со здоровой долей скептицизма, мы увидим более колоритного и интересного Канта.

II

За последние двести лет с момента смерти Канта было написано не так много полных биографических исследований о нем. Хотя недавняя библиография работ о жизни Канта занимает 23 страницы и содержит 483 названия, большинство из них касаются мелочей, мало интересных даже тем,

---

⁵⁵ Rudolf Malter, "Einleitung," in *Immanuel Kant. Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Die Biographien von L. E. Borowski, R. B. Jachmann und E. Ch. Wasianski*, ed. Felix Gross (Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993), p. xviii.

кто страстно увлекается его философией⁵⁶. Рольф Георге в последнем обзоре биографий Канта выяснил, что на самом деле существует всего «полдюжины ранних воспоминаний и четыре более поздние полные биографии»; остальные, по его мнению, если и не совершенно бесполезны, то в лучшем случае представляют лишь незначительный интерес⁵⁷. Георге, возможно, слишком резок в своих суждениях. Есть (чуть) больше книг и статей, интересных с биографической точки зрения, чем он готов признать. Однако нельзя отрицать, что о жизни Канта написано не так много, как следовало бы ожидать.

Кроме того, никогда не существовало биографии, которая удовлетворила бы самым строгим требованиям научного исследования. Двухтомник Карла Форлендера «Иммануил Кант. Личность и творчество» 1924 года ближе всего подходит к этому идеалу, но даже Форлендер на самом деле не пытался выполнить эту задачу⁵⁸. В каком-то смысле у него

---

⁵⁶ Rudolf Malter, "Bibliographie zur Biographie Immanuel Kants," in Karl Vorländer, *Immanuel Kant. Der Mann und das Werk*. 2 vols., 3rd ed. (Hamburg: Meiner Verlag, 1992), p. 405–429. См. также: Rudolf Malter, "Immanuel Kant (1724–1804). Ein biographischer Abriss," *Jahrbuch der Albertus Universität zu Königsberg* 29 (1994), p. 109–123.

⁵⁷ Обсуждение биографий Форлендера, Штукенберга, Гульги, Кассирера и Ритцеля см. в: Rolf George, "The Lives of Kant", *Philosophy and Phenomenological Research* 57 (1987), p. 385–400.

⁵⁸ Karl Vorländer, *Immanuel Kant. Der Mann und das Werk*. 2 vols. (Leipzig: Felix Meiner, 1924). Я буду цитировать эту работу в соответствии с третьим изданием, упомянутым выше.

были более высокие амбиции. Он не хотел писать книгу, которую оценят только философы и ученые, он хотел «оживить старого Канта, как он жил и думал» для широкого читателя. То же самое относится и к его короткой работе под названием «Жизнь Иммануила Канта», вышедшей в 1911 году, еще до двухтомной биографии⁵⁹. В предисловии к четвертому изданию этой работы (1977) Мальтер утверждает, что с 1924 года практически не появлялось новых источников, описывающих внешнюю сторону жизни Канта, и что работа Форлендера представляет собой в некотором смысле «завершение» исследования внешней стороны кантовской жизни⁶⁰. Это не совсем верно. Работа Форлендера – эталон, которым следует измерять все остальные биографии Канта. Она действительно вытесняет все предыдущие биографические трактовки Канта⁶¹. Однако это не означает, что невозмож-

---

⁵⁹ Karl Vorländer, *Immanuel Kants Leben* (Leipzig: Felix Meiner, 1911; 4th ed. Hamburg: Felix Meiner, 1986).

⁶⁰ Vorländer, *Kants Leben*, p. vi.

⁶¹ Другие крупные биографии: Friedrich Wilhelm Schubert, *Immanuel Kants Biographie. Zum grossen Theil nach handschriftlichen Nachrichten* (Leipzig: Leopold Voss, 1842); Friedrich Paulsen, *Immanuel Kant, Sein Leben und seine Lehre* (Stuttgart: Friedrich Frommanns Verlag, 1904; 7th ed. 1924); Фридрих Паульсен, *Иммануил Кант. Его жизнь и учение* (пер. с 4-го нем. издания Н. Лосского) (Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1905); Ernst Cassirer, *Kants Leben und Lehre* (Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1977; изначально опублик. Berlin, 1918); Эрнст Кассирер, *Жизнь и учение Канта* (Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997). Важный противовес Форлендеру – работа: Kurt Stavenhagen, *Kant und Königsberg* (Göttingen: Deuerlichsche Verlagsbuchhandlung, 1949). Хороший краткий обзор жизни Канта: Norbert

но выйти за пределы Форлендера или что работа Форлендера основана на полных данных. Это не так. Сами источники Форлендера в значительной степени все еще доступны, и во многих случаях они допускают совершенно другие интерпретации. «Кант и Кёнигсберг» Курта Штафенхагена 1949 года показывает, насколько более важной для развития Канта была Семилетняя война (европейская часть Войны с французами и индейцами 1756–1763 годов), чем предполагал Форлендер. Он также стремится показать, что молодой Кант отличается от старого, которого Форлендер пытался оживить. Форлендер не проводил оригинальных исследований. Он полагался на статьи, которые, хоть и с трудом, но все-таки можно найти и сегодня. Наконец, сам Форлендер не был столь объективен, как иногда утверждают. Его Кант – в значительной степени отражение его собственных взглядов на культуру и политику. Он был внимателен, но все же упустил из виду некоторые аспекты исследований, предшествовавших его работе. Кроме того, открылись и новые материалы. Недавние работы Рейнхарда Брандта, Вернера Эйлера, Хайнера Клемме, Рикардо Поццо, Вернера Штарка, Ханса-Иоахима Вашкиса и других поспособствовали лучшему пониманию внешних сторон жизни Канта. Хотя мы все еще не в состоянии полностью понять роль Канта в управлении

Hinske, “Immanuel Kant,” in *Neue deutsche Biographie*, ed. Historische Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften (Berlin: Duncker & Humblot, 1952–1982), II, p. 110–125.

Кёнигсбергским университетом, мы знаем больше, чем знал или хотел показать Форлендер. Наконец, лучшее понимание истории Пруссии XVIII века заставляет пересмотреть некоторые утверждения, которые Форлендер и его предшественники считали очевидной истиной. Кантоведение часто опирается – по крайней мере имплицитно – на определенный образ Канта-человека. Необходимость биографии, где учитывались бы новые свидетельства и другие интересы читателей спустя почти столетие, назрела уже давно.

Особенно это актуально для англоязычного мира. Кроме устаревшей «Жизни Иммануила Канта» 1882 года Дж. Г. У. Штукенберга, существуют только два недавних перевода иностранных книг, а именно «Жизнь и учение Канта» Эрнста Кассирера (перевод с немецкого) и «Кант» Гулыги (перевод с русского)⁶². Штукенберг написал свою биографию задолго до того, как стали доступны многие из наиболее важных независимых источников обо всей жизни Канта. Когда он писал книгу, не существовало полного издания писем, размышлений и лекций Канта. Не было у него и большей части писем Гамана и Гердера. С тех пор открыты и многочис-

---

⁶² J. H. W. Stuckenberg, *The Life of Immanuel Kant* (London: MacMillan, 1882; переиздано с предисловием Рольфа Геопре, Lanham: The University Press of America, 1987); Ernst Cassirer, *Kant's Life and Thought*, tr. James Haden, introduction by Stefan Körner (New Haven and London: Yale University Press, 1981) – английский перевод работы Ernst Cassirer, *Kants Leben und Lehre* (Berlin: Bruno Cassirer, 1918; 2nd ed. 1921; переизд. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1977); Arsenij Gulyga, *Immanuel Kant and His Life and Thought*, tr. M. Despalatovic (Boston: Birkhauser, 1987).

ленные другие источники. Хотя книга Штукенберга до сих пор приятна для чтения, она не удовлетворяет сегодняшним стандартам. Биография Кассирера, с другой стороны, «не затрагивает подробностей жизни Канта»⁶³. Другими словами, в ней не очень много говорится о кантовской жизни, Кассирер почти полностью сосредоточивается на его мысли и опубликованных трудах. Это скорее популярное изложение философского развития Канта, чем обстоятельная биография. Биография Гулыги, возможно, лучшая из всех, изданных на английском языке, но не является широко доступной. Это хорошо написанное изложение жизни Канта было предназначено для русского читателя. Оно может служить хорошим противоядием по отношению к двум другим биографиям, доступным на английском языке, но поскольку книга написана с точки зрения, несколько чуждой англоязычному читателю, то не всегда способствует нашему пониманию жизни и работ Канта. Кроме того, на нее не всегда можно положиться и в ней преувеличены связи между Кантом и русской мыслью.

III

Биографии философов относительно редки в последние годы⁶⁴. Одна из самых важных причин этого связана с тем,

---

⁶³ George, "The Lives of Kant," p. 493.

⁶⁴ Уже появляются признаки перемен. См., напр., книгу: Ray Monk, *Ludwig*

как делается философия в Америке, Австралии и Англии. Для философааналитика биография мыслителя просто не имеет значения, поскольку ничего не говорит об истинности его позиции и ничего не добавляет к обоснованности его аргументов. Хотя это, строго говоря, верно, отсутствие контекста – или, наверное, лучше сказать, анахронистическая подмена контекста – часто стоит на пути понимания того, что хотел сказать философ.

Биографии философов писать трудно. Нужно найти баланс между описанием подробностей биографии и обсуждением философских работ. Биография не должна превратиться ни в один лишь рассказ о жизни философа, ни в простое обобщение или общее обсуждение его книг. Если биография слишком сосредоточена на случайностях, составляющих жизнь ее героя, она может оказаться банальной и неинтересной (хотя бы потому, что философы обычно не вели – и не ведут – захватывающую жизнь). Если биография слишком погружена в труды философа, она быстро станет скучной по другой причине. Труды большинства философов не поддаются легкому обобщению или простому обзору. Во всяком случае, весьма маловероятно, чтобы такая краткая трактовка трудов всей жизни какого-либо философа внесла бы существенный вклад в философскую дискуссию. В идеа-

---

Wittgenstein: The Duty of Genius (Harmondsworth: Penguin Books, 1990); Рэй Монк, *Людвиг Витгенштейн. Долг гения* (Москва: Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 2018).

ле биография любого философа должна быть интересной и с философской, и с исторической точки зрения и сочетать историю жизни философа с философски интересным взглядом на его работы.

И хотя нужно обращаться и к жизни, и к мысли, это не означает, что две эти различные стороны нужно рассматривать поровну. Дело обстоит сложнее. В биографии они должны каким-то образом сочетаться. Нужно прояснить, как связаны жизнь и мысль философа. И пусть трудно и, по-видимому, невозможно установить, почему тот или иной философ придерживался тех или иных взглядов и писал те или иные произведения, любая биография, не затрагивающая этого вопроса, вероятно, будет представлять лишь ограниченный интерес.

Биографию Канта, кажется, писать особенно трудно. Его жизнь была жизнью типичного университетского профессора в Германии XVIII века. Его философское творчество является настолько плотным, заумным и техничным, что его трудно сделать доступным для широкого читателя. Это уже смертельная комбинация. Кроме того, Кант следовал в своих работах девизу *de nobis ipsis silemus* («о себе мы молчим»). Его интересовали философские истины, и он хотел, чтобы его помнили благодаря им. Это тоже влечет за собой последствия для его биографии. От Канта не осталось дневника, детали его жизни скудны. Их нужно почерпнуть из того, что он обронил случайно, и из воспоминаний тех, кто был к нему

ближе всего. Большая часть таких воспоминаний – это воспоминания пожилых людей о престарелом Канте.

У Канта *была* жизнь. Хотя он жил в изолированной части Пруссии и не предпринимал никаких захватывающих дух путешествий, не переживал никаких удивительных приключений, о которых можно было бы рассказать, хотя большая часть его жизни заключается в работе, все же существует очень интересная и, возможно, даже захватывающая история, которую следует поведать. Это история *интеллектуальной* жизни Канта, отраженная не только в его творчестве, но и в его письмах, в его преподавании, в его взаимоотношениях с современниками в Кёнигсберге и остальной Германии. Даже если жизнь Канта и была в какой-то степени типичной для немецкого интеллектуала XVIII века, она имеет историческое значение именно потому, что была настолько типичной. Сходства и различия между его жизнью и жизнью его коллег в других протестантских университетах, таких как Марбургский, Гёттингенский, и в других германских университетах могут открыть интерес – ные перспективы для понимания не только человека, но и времени, в котором он жил.

Жизнь Канта охватывает почти весь XVIII век. В период его взрослой жизни произошли некоторые из самых значительных изменений в западном мире – изменений, последствия которых мы ощущаем до сих пор. Это был период зарождения мира, который мы знаем сегодня. Хотя Кёнигсберг

не находился в центре ни одного из значительных движений, ведущих к сегодняшнему миру, эти движения во многом определили интеллектуальную среду Кёнигсберга. Философия Канта была в значительной степени выражением этих изменений и откликом на них. Его интеллектуальная жизнь отражала большинство значительных интеллектуальных, политических и научных событий того периода. Его взгляды – это ответ на культурный климат времени. Английская и французская философия, наука, литература, политика и нравы составляли материю его ежедневных бесед. Даже такие относительно отдаленные события, как Американская и Французская революции, повлияли на Канта, а значит, и на его труды. Его философию следует рассматривать в этом глобальном контексте.

Однако именно в очевидно немецком, даже прусском окружении Кант пережил знаменательные события, произошедшие в XVIII веке. Иногда поражает, насколько его интеллектуальное развитие было продиктовано внешними силами. Так, ранние философские труды Канта появились как серия ответов на философские «вопросы на премию» (*Preisaufgaben*), поставленные Берлинской академией⁶⁵. Понять раннего Канта, не обсуждая его отношения к литературному движению «Буря и натиск» и «культу гения», так же трудно, как понять позднего Канта, не принимая во внимание полемики вокруг так называемого спора о пантеизме

---

⁶⁵ Эту биографическую деталь не понимает большинство кантоведов.

(*Pantheismusstreit*).

Кроме того, Кант был частью особой интеллектуальной среды Кёнигсберга. Он не единственный в Кёнигсберге интересовался этими изменениями, и не на него одного они повлияли. Гаман, фон Гиппель, Гердер, Герц и некоторые другие смогли внести свой вклад в немецкую культуру отчасти благодаря тому, что жили в Кёнигсберге. Важно исследовать, как пересекались жизни этих интересных людей и как, общаясь с ними, изменялся Кант. Может, и было бы преувеличением говорить о «кёнигсбергском Просвещении» в том смысле, в каком мы говорим о «берлинском Просвещении» или «шотландском Просвещении», но в то же время это было бы и не совсем неуместно. Кантовскую критическую философию также нужно рассматривать в этом контексте. Итак, обсуждая жизнь и труды Канта, все три контекста – глобальный, региональный и локальный – необходимо учитывать.

В данной биографии Канта такие вопросы будут рассмотрены серьезнее, чем в предыдущих. Другими словами, это будет интеллектуальная биография Канта, показывающая, насколько интеллектуальные интересы Канта коренятся в его времени. В каком-то смысле такой подход схож с исследованиями кантовского философского развития, такими как исследования Шилпа, Флейсхауера и Уорда, и с обсуждениями кантовского мировоззрения (*Weltanschauung*), которые можно найти в работах Кронера и Бека. Однако эта книга отличается тем, что в ней уделяется меньше внимания общепри-

нятым философским текстам и больше – событиям в жизни Канта и их связи с событиями, происходившими в Кёнигсберге, Пруссии, Германии, Европе и Северной Америке. Не пренебрегая рассказом о биографических подробностях жизни и творчества Канта, я сосредоточусь на его интеллектуальном путешествии от узких проблем метафизических оснований ньютоновской физики к философской защите морального мировоззрения, подобающего *просвещенному* «гражданину мира».

Подобно Форлендеру и Гулыге, я хочу познакомить с Кантом тех, кто не очень хорошо разбирается в кантоведении. Книгу сможет прочесть даже читатель, не знакомый с тонкостями современного философского обсуждения Канта или философии в целом. Жизнь Канта интересна сама по себе и, в отличие от Форлендера и других, кто прежде всего хотел оживить старого Канта, я остановлюсь больше на молодом философе, который задумал проект «Критики чистого разума». Я надеюсь, что в результате появится многогранный Кант, больше похожий на реального человека, чем на «мандарина» из Кёнигсберга, каким его видел Ницше⁶⁶.

Мы можем извлечь из жизни Канта такие же уроки, как и из жизней других фигур XVIII века – Бенджамина Франклина, Давида Юма, Фридриха Великого, Екатерины Вели-

---

⁶⁶ Здесь я последовал примеру Штафенхагена, а также работе: Otto Schöndörffer, “Der elegante Magister,” *Reichls Philosophischer Almanack* (1924), p. 65–86, как и другим более недавним обсуждениям Канта.

кой – чьи жизни переплетаются с жизнью Канта сложным – или не очень – образом. По сути, мы можем извлечь из биографии Канта по меньшей мере столько же, сколько из биографии любого другого известного человека, а может быть, и больше, поскольку, как становится понятно, характер Канта вполне сознательно был задуман как его собственное творение. Он соглашался с Монтенем и его предшественниками-стойками в том, что «надо не сочинять умные книги, а разумно вести себя в повседневности, надо не выигрывать битвы и завоевывать земли, а наводить порядок и устанавливать мир в обычных жизненных обстоятельствах. Лучшее наше творение – жить согласно разуму»⁶⁷. Проживал ли Кант свою жизнь «согласно разуму» – открытый вопрос; и это делает его жизнь увлекательной для любого, кто считает, что философия должна внести важный вклад в понимание нашей жизни.

Я действительно не знаю, чем привлекают биографии столь многих читателей. Простое любопытство о том, как жили «знаменитые»? Вуайеризм, неприглядное желание заглянуть в маленькие грязные секреты «великих»? Эскапизм, попытка прожить чужую жизнь, своего рода романтика для тех, кто настроен более интеллектуально? Или это попытка найти смысл в своей собственной жизни? Популярность книг о самосовершенствовании свидетельствует о распро-

---

⁶⁷ Мишель Монтень, «Об опыте», в: Мишель Монтень, *Опыты*, т. 2 (Москва: Наука, 1979), с. 304. – *Прим. ред.*

страненном желании вести «успешную» жизнь. Можно предположить, что успешные люди достигли этой неуловимой цели; а успешные философы – люди, размышлявшие о том, что вообще такое успех, – могут предложить больше, чем остальные.

Как однажды заметила Вирджиния Вулф, биографии трудно, если не невозможно писать, потому что «люди полностью лишены постоянства». В их жизни нет настоящей сюжетной линии. А ведь именно такую линию пытаются выстроить биографы. У биографии есть начало, середина и конец; и обычно это попытка понять или объяснить события, которые, возможно, просто следовали друг за другом без какой-либо связи. Некоторые жизни, возможно, действительно имеют смысл, в то время как другие кажутся бессмысленными. Имела ли смысл чья-то жизнь – что бы это ни значило, – это вопрос, ответить на который по меньшей мере так же трудно, как и на вопрос о том, имеет ли смысл наша собственная жизнь. Эти два вопроса – по сути один и тот же. Поэтому не следует удерживаться от оглядки на жизни тех, кто ушел до нас, чтобы разобраться в нашей собственной.

Конечно, нет никакой гарантии, что мы извлечем важные и стоящие уроки из изучения какой-либо отдельной жизни. Думаю, было бы ошибкой строить свою жизнь по образу и подобию жизни какого бы то ни было исторического деятеля, даже если так поступали многие, кто в итоге сам стал историческим деятелем. Нельзя выбрать жизнь так, как выби-

рают пальто. Тем не менее существует множество способов прожить жизнь, и биографии могут дать нам некоторое представление об их возможных опасностях или преимуществах. Жизнь Канта отличалась от жизней многих романтиков, самопровозглашенных ницшеанцев или других современных искателей приключений. Интересна она или нет, пусть решит читатель. Я уверен, что она гораздо интереснее тех карикатур, которые в ходу до сих пор.

За этим введением последуют девять глав. Глава 1, «Детство и ранняя юность (1724–1740)»; Глава 2, «Студент и домашний учитель (1740–1755)»; Глава 3, «Эlegantный магистр (1755–1764)»; Глава 4, «Палингенез и его последствия (1764–1769)»; Глава 5, «Годы молчания (1770–1780)»; Глава 6, «„Всесокрушающий“ критик метафизики (1780–1784)»; Глава 7, «Основатель метафизики нравов (1784–1788)»; Глава 8, «Проблемы с религией и политикой (1788–1795)», и Глава 9, «Старик (1796–1804)». Я старался максимально совместить повествование о жизни Канта и развитие его философии. Разделы, содержащие более обширный обзор основных работ Канта, четко обозначены в плане, и читатель, больше интересующийся жизнью Канта, чем деталями его философии, может их пропустить, хотя я и не думаю, что это хорошая идея.

Глава 1

Детство и ранняя юность (1724–1740)

Раннее детство (1724–1731): «Наилучшее образование с нравственной точки зрения»

1724 год не был самым важным в истории человечества, но и незначительным его не назовешь. Москва и Константинополь подписали договор о разделе Персии, на территорию которой две державы до того вторглись. Персидский шах Махмуд обезумел и устроил резню в Исфахане. Филипп V отрекся от испанского трона в пользу своего сына Луиса – но ему пришлось вернуться на престол, когда через несколько месяцев Луис умер. Ле-Мойн де Бенвиль, губернатор Луизианы в Новом Орлеане, установил *Code Noir*, чтобы регламентировать правовое положение черных и изгнать евреев, в то время как квакеры и меннониты издавали свои первые заявления против рабства. В Филадельфии по образцу европейских гильдий была основана ремесленная гильдия. В Ирландии, остававшейся колонией Англии, в которой по большей

части заправляли землевладельцы, проживавшие в других местах, Джонатан Свифт издал «Письма суконщика»: в них он пытался убедить ирландцев противостоять Уильяму Вуду, получившему королевский патент на выпуск новой ирландской монеты, но пожелавшему извлечь выгоду из уменьшения ее себестоимости. Петр I, известный как Петр Великий, основал Академию наук и художеств. Пол Дадли открыл метод перекрестного опыления кукурузы. Герман Бургаве утверждал в *Elementae chemiae* («Началах химии»), что огонь – это жидкость, а Габриель Даниель Фаренгейт описывал переохлаждение воды. Георг Фридрих Гендель закончил две из своих менее известных работ, оперы «Юлий Цезарь» и «Тамерлан». Жан-Филипп Рамо сочинил один из трех своих сборников пьес для клавесина. Вышли «Роксана» и «Новое кругосветное путешествие» Даниеля Дефо, а также второй том плутовского романа Алена-Рене Лесажа «Жиль Блас». Посмертно издали *La Comtesse de Tende* («Графиню Тандскую») госпожи де Лафайет, а также *De l'Origine des fables* («Происхождение мифов») Бернара де Фонтенеля, где исследовались психологические и интеллектуальные корни мифологии и опровергались популярные суеверия. Клод Бюфье опубликовал свой *Traité des vérités premières et de la source de nos jugements* («Трактат о первых истинах и об источнике наших суждений»), в котором пытался раскрыть основные принципы человеческого знания, а Давид Юм пошел на второй курс Эдинбургского университета.

В Пруссии Фридрих Вильгельм I (1688–1740), правивший с 1713 года, трудился не покладая рук, желая централизовать государство и собрать огромную армию на налоги, поступающие от обнищавшей страны. В предыдущем году он предпринял решительный шаг, реформировав свою администрацию и объединив ее в единый совет под названием «Генеральная директория». Этой институции суждено было стать эффективным бюрократическим учреждением, которое урежет королевские расходы и более чем удвоит годовой доход, позволив направить средства на армию. Также в 1723 году он нашел время изгнать из Пруссии Христиана Вольфа (1679–1754) с подачи галльских религиозных фанатиков-пиетистов. Они заявили, что одобрение Вольфом теории Лейбница о предустановленной гармонии ведет к фатализму и может послужить оправданием дезертирства – или даже склонить к дезертирству. Фридрих Вильгельм I запретил преподавать вольфианские доктрины⁶⁸. Таким образом он, сам того не желая, прославил этого мыслителя среди всех сторонников Просвещения. Вольф, которому под страхом смерти приказали не возвращаться на прусскую землю, обоснулся в Марбургском университете и опубликовал в

---

⁶⁸ Главным поводом для гнева фанатиков в Галле выступила университетская речь Вольфа «О практической философии китайцев» (*Über die praktische Philosophie der Chineser*) в 1721 году, в которой он утверждал, что этика не зависит от откровения, что китайская и христианская этика принципиально не отличаются, счастье не нуждается в религиозной основе, а разум является достаточным принципом в этике.

1724 году одну из самых успешных своих работ, а именно *Vernünftige Gedanken von den Absichten der natürlichen Dinge* («Разумные мысли о целях природных вещей»), трактат по телеологии, в котором хотел показать, как хорошо на самом деле спланирован этот мир.

Большинство из этих событий в Пруссии и других местах – иногда спустя какое-то время – отзывались и в Кёнигсберге. Некоторые действия короля возымели немедленный эффект: в 1724 году Кёнигсберг, прежде состоявший из трех разных городов, а именно *Альтиштадта*, или Старого города, *Лёбенихта* и *Кнайпхофа*, был объединен в один. Так им стало легче управлять, и правительство стало работать эффективнее. (Помимо прочего, объединение уменьшило число виселиц с трех до одной.) В том же году в город вернулся церковный деятель Георг Фридрих Рогаль (1701–1733), который должен был блюсти интересы короля в Кёнигсберге. Получивший образование в Галле и обращенный там в пие-тизм врагами Вольфа, он обладал доверием своего набожно-го правителя. Для начала он убрал из Кёнигсбергского университета одного из самых неприкрытых сторонников воль-фианской философии. Профессора натурфилософии Хри-стиана Габриеля Фишера (1686–1751) постигла та же участь, что и Вольфа, поскольку Рогаль донес на него в Берлин⁶⁹.

---

⁶⁹ В результате 15 ноября 1725 года король издал приказ, предписывающий Фишеру покинуть Кёнигсберг в течение 24 часов, а Пруссию – в течение 48 часов, потому что «он осмелился на своих занятиях бесчестно опорочить некоторых профессоров, недавно назначенных королем, а ранее следовал злomu прин-

22 апреля 1724 года в Кёнигсберге родился Иммануил Кант. В «Старом прусском альманахе» напротив этой даты стоит имя «Эмануил». Соответственно, крестили мальчика как «Эмануила». Позже он поменяет имя на «Иммануил», когда решит, что так ближе к оригиналу имени на древнееврейском. «Эмануил» или «Иммануил» означает «с нами Бог». Кант считал, что это чрезвычайно подходящее имя, и необычайно им гордился, напоминая о его значении даже в старости⁷⁰. Наверное, показательно, что он счел необходимым критически оценить и исправить само данное ему имя, но стоит отметить, что буквальное его значение наполняло Канта уверенностью и утешало на протяжении всей его жизни. В самом деле, автономный, самодостаточный, преднамеренно выкованный характер Канта вполне может предпола-

---

ципу профессора Вольфа, изгнанного из Галле, и защищал этот принцип» (Erich Riedesel, *Pietismus und Orthodoxie in Ostpreußen. Auf Grund des Briefwechsels von G. F. Rogall und F. A. Schultz mit den Halleschen Pietisten* (Königsberg: Ost-Europa Verlag, 1937), p. 39). См. также: Paul Konschel, “Christian Gabriel Fischer, ein Gesinnungs- und Leidensgenosse Christian Wolffs in Königsberg,” *Altpreussische Monatsschrift* 53 (1916), p. 416–444.

⁷⁰ См.: Hasse, *Merkwürdige Äußerungen*, p. 15–16. По словам Хассе, Кант в последние годы жизни утверждал, что узнал о значении своего имени как раз от него. Хассе, конечно, прав, когда он говорит, что на самом деле Кант еще задолго до того так объяснял свое имя. Этот эпизод свидетельствует, насколько Кант был не в здравом уме в последние годы своей жизни. В любом случае факт остается фактом: Канта называли «Эмануилом», но он называл себя «Иммануилом» по крайней мере с 1746 года. Летом 1746 года, когда его книга была представлена цензору, он значится как «Иммануил Кант». См.: Ak 1, p. 524. Его отец умер в марте того же года, и вполне вероятно, что Кант сменил имя только после этого.

гать своего рода оптимистическую веру в мир как телеологическое целое – мир, где все, включая его самого, имеет определенное место.

Эмануил был сыном шорника Иоганна Георга Канта (1683–1746) и Анны Регины Кант (1697–1737), урожденной Рейтер, дочери кёнигсбергского шорника. Иоганн Георг Кант приехал в Кёнигсберг из Тильзита. Брак с Анной Региной, заключенный 13 ноября 1715 года, открыл для него путь к карьере независимого ремесленника⁷¹. Такие ремесленники должны были входить в гильдию. Поскольку гильдии строго регулировали количество тех, кто мог открыть в городе свое дело, женитьба на дочери мастера часто была для чужака единственным способом войти в профессию. Существовало только два пути стать независимым мастером-ремесленником: родиться сыном мастера или жениться на его дочери. Анна Регина была дочерью Каспара Рейтера и его жены Регины, урожденной Фельгенхауэр (или Фалькенхауэр)⁷². Каспар Рейтер тоже приехал из другого города, из Нюрнберга, имевшего давние торговые связи с Кёнигсбер-

---

⁷¹ Не буду много говорить о предках Канта. Хорошо известно, что сам он считал, что предки его отца – выходцы из Шотландии, но существует обширная литература на эту тему, которая оспаривает это убеждение Канта. Из недавних статей см.: Hans and Gertrud Mortensen, “Kants väterliche Ahnen und ihre Umwelt,” *Jahrbuch der Albertus-Universität Königsberg* 3 (1953), p. 25–57. См. также: Malter, “Immanuel Kant (1724–1804). Ein biographischer Abriß,” p. 109–124.

⁷² Она была дочерью Анны Фельгенхауэр, урожденной Мюльке или Вюльке. Ее отец умер рано, а мать второй раз вышла замуж, за некоего Якоба Гаузе. См.: Gustav Springer (alias G. Karl), *Kant und Alt-Königsberg* (Königsberg, 1924).

Мастер должен был произвести «шедевр» (*Meisterstück*) и получить право на гражданство в городе, где он вел свое дело. Обычно это означало, что нужно было владеть там недвижимостью (или хотя бы быть членом семьи, у которой такая недвижимость есть). А самое главное, он должен был зарегистрироваться в местной гильдии, особые законы и обычаи которой начинали действовать в отношении всей его семьи с момента вступления. Чтобы присоединиться к гильдии, требовалось представить доказательство законного рождения мастера и его жены. Традиционно гильдии по большей части не зависели от городских властей и, как правило, разрешали споры между собой⁷⁴. Жизнь членов гильдии подчинялась старинным обычаям, и потому у них было немного свободы в ведении дел. Строго регламентировалось, сколько учеников и подмастерьев можно нанять на работу. Во всех ремеслах запрещалось работать, не имея квалификации. Цены не устанавливались на открытом рынке. Система гильдий была по сути закрытой, ее правила и положения обычно гарантировали достойное проживание путем сдерживания конкуренции. Как мастер-ремесленник, отец Канта мог распоряжаться (по крайней мере теоретически) подмастерьями и учениками таким образом, какой сегодня был бы для нас непри-

---

⁷³ Форлендер не называет имени прабабки Канта. Об этом см.: Gustav Springer (alias G. Karl), *Kant und Alt-Königsberg*, p. 8–9.

⁷⁴ Ср.: Vorländer, *Immanuel Kant*, I, p. 21.

емлем: например, разрешить подмастерью сменить одно место жительства на другое. Кроме того, гильдии имели право наказывать своих членов и пользовались этим правом.

В Кёнигсберге каждая гильдия имела своего представителя в каждом районе города, и у каждого был специальный счет, выделенный для того, чтобы помочь ему в случае смерти, болезни или обнищания⁷⁵. Когда мастер умирал, гильдия обычно заботилась о его вдове. По сути, «гильдия, как и церковь, охватывала всю жизнь» своих членов⁷⁶. *Handwerker* (ремесленники) хорошо осознавали свою особую позицию и гордились ею, прилагая серьезные усилия, чтобы отгородиться от тех, кого они считали ниже статусом. «Честь» (*Ehre*) была важна не только во всех делах члена гильдии, но и в происхождении. Члены гильдии относились к «респектабельному» классу⁷⁷. Рассказ XVIII века о положении ремесленников в Цюрихе дает нам некоторое представление о ситуации в Кёнигсберге:

Высокомерие так называемого дворянского класса

---

⁷⁵ Vorländer, *Immanuel Kant*, I, p. 11.

⁷⁶ Этот институт уходит корнями далеко в Средневековье и даже в античность. По сути это был феодальный институт. См., напр.: Rudolf Stadelmann and Wolfram Fischer, *Die Bildungswelt des deutschen Handwerks* (Berlin: Duncker & Humblodt, 1955), p. 66–93.

⁷⁷ Хейден (в своем переводе Cassirer, *Kant's Life*, p. 12) переводит *Handwerkerhaus* Кассирера как «дом рабочего» (*workingman's house*). Однако *Handwerker* не означает «рабочий». Существовала огромная разница между независимым членом гильдии и рабочим, который нанимался на работу к другим.

справедливо возмущало и молодых, и старых представителей, скажем так, среднего класса горожан. Такие смелые выражения, как. «я господин и гражданин», можно было услышать в столкновениях с теми, кто считал себя выше других, или же с сельскими жителями и иностранцами. Булочник, у которого мои родители покупали хлеб, Ирмингер, был проницательным и опытным торговцем; в то время, когда я сам стал гражданином, его высоко ценили как мастера гильдии и к нему обращались с большим уважением как к члену Совета. Так же обстояло дело и с некоторыми другими, и многим ремесленникам как членам Большого совета полагалось такое же уважение. В высшей степени элитарный способ избрания членов в Большой совет – их избирали действующие члены Совета и старейшины гильдий – неизбежно привел бы к верховенству аристократической клики, если бы мастеров гильдии, двух высших должностных лиц, не выбирали всей гильдией. Основной системы гильдий были главным образом мясники. за ними следовали булочники и мельники, и только один представитель сапожников и портных входил в состав Большого совета⁷⁸.

---

⁷⁸ Цит. по: Ulrich Im Hof, *The Enlightenment: An Historical Introduction* (Oxford: Blackwell, 1997), p. 59–60. Обсуждение «ремесленников» (p. 58–62) в этом контексте наиболее интересно, хотя Им Хоф больше сосредотачивается на последней трети XVIII века. Также представляет интерес работа: Klaus Epstein, *The Genesis of German Conservatism* (Princeton: Princeton University Press, 1966), p. 213–219. Хотя Эпштейн уделяет особое внимание «спору гильдий» 1774–

Шорники, как и сапожники и седельники, работали в основном с кожей, поэтому они были тесно связаны. Шорники (*Riemer* или *courroiers*) делали сбрую для лошадей, экипажей, тележек и всего, что было связано с перевозками. В Пруссии они отвечали и за оснащение самих экипажей. В основном они работали с кожей, и главные их инструменты походили на инструменты седельников. У отца Канта, как и у большинства ремесленников, мастерская находилась дома. Шорники не считались престижной гильдией, но они были частью системы. Как представители своего класса, Канты, возможно, и не были богаты, но они, конечно, занимали определенное социальное положение, пользовавшееся уважением, и гордились этой честью. Кант как сын мастера имел особые права, поскольку он был членом гильдии по праву рождения.

Сначала они жили в пригороде, в доме, когда-то принадлежавшем отчиму Регины Рейтер, бабушки Канта⁷⁹. Кажет-

---

1776 годов, вызванному упразднением и восстановлением гильдий во Франции, его обсуждение проливает свет на статус гильдий. Он цитирует Христиана Вильгельма фон Дома, который романтизировал гильдии в 1781 году следующим образом: «Жизнь искусного ремесленника, возможно, самая счастливая из всех возможных в нашем гражданском обществе. Его душу не тревожат ни мучительный страх, ни обманчивые надежды на будущее. Напряженный труд поддерживает его здоровье, в то время как единообразие труда приносит духу удовлетворение тихого спокойствия. Он честен и справедлив в своих обвинениях, потому что это продиктовано честью его ремесла» (р. 219) и т. д. и т. п.

⁷⁹ Адрес был Передний Форштадт, 22, позже стал Передний Форштадт, 21/22. Форлендер ошибся. Он думал, что Кант родился в доме 195 в Переднем Форштадте, на углу Заттлергассе, где на самом деле жили его бабушка и дедушка.

ся, этот дом унаследовали именно бабушка и дедушка, и он принадлежал им, а не родителям Канта. Он был узким и длинным. Это был типичный кёнигсбергский трехэтажный дом. Рядом был сарай, сад и даже луг. Комнаты не назовешь роскошными, но там было уютно, по крайней мере по стандартам XVIII века. Отец Эмануила, кажется, зарабатывал достаточно, хотя на упряжи было не разбогатеть⁸⁰. Ремесло шорника было не столь выгодным, как, например, у мясника или булочника, но семью прокормить удавалось. Отец Эмануила, возможно, нанимал иногда ученика или подмастерье, но не было бы ничего удивительного, если бы он в основном работал один⁸¹. Почти нет сомнений, что у Кантов была по меньшей мере одна служанка, которая тоже жила в доме. Юному Эмануилу приходилось постоянно сталкиваться с делом своего отца.

Эмануил был четвертым ребенком Кантов, но когда он родился, в живых осталась лишь пятилетняя сестра. На его крещение Анна Регина написала в книге молитв: «Да хранит его Господь милосердный до последнего вздоха, во имя

См.: Springer, *Kant und Alt-Königsberg*, p. 8–9.

⁸⁰ По словам Шпрингера, который все еще имел доступ к соответствующим записям, он заплатил 38 талеров и 34 талера налогов в предыдущие годы (Springer, *Kant und Alt-Königsberg*, p. 11). Это была немалая сумма. Позже Кант брал со студентов по 4 талера за лекцию.

⁸¹ Это само по себе не доказывает, что дела его шли плохо, как предполагал Форлендер. В XVIII веке число учеников и подмастерьев, которых мог нанять мастер-ремесленник, было строго ограничено.

Иисуса Христа, Аминь». Учитывая, что она уже потеряла двоих детей, имя нового сына казалось ей самым удачным. Оно отвечало настоящей обеспокоенности, выражало искреннее чувство и не было всего лишь благим пожеланием. Действительно, шансы Эмануила дожить до зрелого возраста были не очень высоки. Из пяти сестер и братьев, родившихся после Канта, только трое (две сестры и брат) пережили раннее детство ⁸². Другими словами, четверо из девяти детей, рожденных в семье Кантов, умерли в раннем возрасте. В XVIII веке это было обычным делом, но для матери Эмануила это, конечно, не могло быть легко.

Канты жили довольно хорошо, когда Эмануил был совсем маленьким, но ситуация поменялась к худшему, когда он подросток. 1 марта 1729 года умер его дедушка. Вследствие этого, похоже, Иоганн Георг Кант возглавил и дело тестя. Теперь он был единственным кормильцем тещи. Справиться с этим оказалось сложно. Через четыре года (в 1733 году) Канты переехали к бабушке – вероятно, чтобы лучше о ней заботиться. Новый дом, поменьше, поскромнее, одноэтажный, тоже в пригороде, был тесноват для растущей семьи. Открытая кухня, большая гостиная и две или три маленькие спальни, все почти без мебели, – вот и все жилье. Дом стоял прямо у Заттлерштрассе, улицы седельников. Разумеется, на

---

⁸² Здесь и далее Кюн иногда пишет о двух младших сестрах Канта, но их было три: Мария Элизабет, Анна Луиза и Катарина Барбара. Ср. сноску 36 на с. 54 данной книги. – *Прим. ред.*

этой улице, согласно обычаям, восходящим к Средним векам, жили почти все городские шорники и седельники⁸³.

Новое местоположение было не столь удачным, как старое. Хотя у отца Эмануила никогда не было большого дела, тут его доход постепенно уменьшался. Двумя самыми важными причинами этого послужили растущая конкуренция с близлежащими магазинами седельников и возраст отца. Первое было не только следствием нового местоположения, но и прямым результатом серьезного кризиса, через который проходила система гильдий в начале XVIII века. Она пока оставалась могущественной, но уже назревали глубокие проблемы. Об этом говорится в «Отзыве Рейхстага по поводу злоупотреблений со стороны гильдий» от 14 августа 1731 года, который должен был обуздать эти самые злоупотребления. Гильдии враждовали друг с другом, подмастерья и мастера не ладили так, как раньше. Указ отобрал у гильдий одни права и ограничил другие, приказав им

...поспокойнее вести дела, оказывая должное повиновение назначенным [гражданским] властям. В противном случае абсолютно необходимо отбросить наше прежнее терпение и со всей серьезностью указать мастерам и подмастерьям, что если они продолжают вести себя безответственно, зло и упрямо, то Император и Рейхстаг могут легко, по примеру иных стран и в интересах народа, страдающего от таких преступных

---

⁸³ См.: Jachmann, *Kant*, p. 134.

частных разборок, запретить и упразднить гильдии вообще⁸⁴.

Семья Канта тоже была затронута этими раздорами, но в глазах сына Иоганн Георг и Анна Регина остались хорошими людьми:

Я вспоминаю, как однажды в вопросе о правах возникли споры между шорниками и седельниками, которые в значительной степени затрагивали и моего отца; однако, несмотря на это, в семейных беседах возникшие раздоры рассматривались моими родителями с таким вниманием и любовью по отношению к противникам, и с такой твердой верой в Провидение, что воспоминание об этом, хотя я был тогда еще мальчиком, никогда не оставит меня⁸⁵.

---

⁸⁴ Robert Forster and Elborg Forster (eds.), *European Society in the Eighteenth Century* (New York: Harper & Row, 1969), p. 232.

⁸⁵ Кассирер, *Жизнь и учение Канта*, с. 20. См.: Rink, *Ansichten*, p. 14. См. также: Herbert Sinz, *Lexikon der Sitten und Gebräuche im Handwerk* (Freiburg: Herder Verlag, 1986), p. 153: «Между изготовителями седел и упряжи шли давние споры о сходстве их инструментов и торговли». См. также: Otto Kettemann, “Sattler und Riemer,” in Reinhold Reith (ed.), *Lexikon des alten Handwerks. Vom Spätmittelalter bis ins 20. Jahrhundert* (München: C. H. Beck, 1990), p. 188–191. Спор, описанный Кантом, был, очевидно, частью этого более крупного конфликта. В работе Fritz Gause, *Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preußen, I, Von der Gründung der Stadt bis zum letzten Kurfürsten* (Köln/Graz: Böhlau Verlag, 1965), p. 533, указывается, что изготовители седел и упряжи в течение 25 лет спорили о том, какие части упряжи и другого оборудования для экипажей чьей работой считать. Кроме того, седельники оспаривали право производителей упряжи использовать определенные (более дорогие) виды кожи (*weißgegerbtes*).

Несложно догадаться о причине конфликта между двумя этими гильдиями. Они сражались, в сущности, за одних и тех же покупателей и предлагали одни и те же товары. Ремесло шорников было почти тем же, что и ремесло седельников, но в учениках у шорников ходили два года, а у седельников – три. Седельники умели делать упряжь, а вот шорников никогда не учили делать седла, да им этого и не позволяли. В борьбе за ограниченный рынок седельники вторгались в ремесло шорников, те сражались с этим вторжением, но в конце концов уступили. В некоторых землях Германии шорники уже исчезли к тому времени, когда родился Кант.

Иоганн Георг Кант жил и работал во время упадка его ремесла в Кёнигсберге. Дело его все более страдало со временем, и в тридцатых и сороковых годах ему становилось все труднее заработать на жизнь. Иоганн Георг, должно быть, знал, что стоит перед лицом поражения. И, должно быть, понимал, что вторжение седельников в ремесло шорников было нечестным, даже если не мог этого изменить. И все же он не позволил неудачам отравить семейную жизнь, хотя семья и дело были тесно переплетены.

Кёнигсберг начала двадцатых годов с точки зрения простого подмастерья описан в рассказе Самуила Кленнера, кожевника (*Weissgerber*), который какое-то время там жил:

Кёнигсберг: столица Бранденбург-Пруссии...
Большой и очень широкий город. Я провел там три четверти года с мастером Генрихом Галлертом в

Россгартене.

Каждый пастор здесь должен отдавать один дукат лютеранскому епископу, имеющему докторскую степень по Священному Писанию, поскольку тот должен их проверять (*revidieren*); ему следует проповедовать везде, куда бы он ни пришел. Король построил здесь сиротский приют и позволил профессору Франке в Галле его обустроить. Там есть маленькая церквушка, а учителя этого заведения читают прекрасные проповеди, хоть и называются пиетистами.

Пища здесь, как и во всей Пруссии, очень проста. Почти половину недели ешь одно и то же – свиную солонину и рыбу. Ее каждый день подогревают. Хлеб черный, и все же довольно вкусный. Мука грубого помола, и выпекается с шелухой. Нередко в хлебе попадает солома. Пиво же, наоборот, вкуснейшее: столовое пиво в Пруссии часто превосходит настоящее пиво в некоторых землях Силезии.

Подмастерьям нельзя появляться на публике из-за солдат. Им приходится все время сидеть в гостинице и играть в карты на деньги – так принято в Кёнигсберге. Однако никому не разрешают сидеть в пивной и пить во время церковной службы. Любого, кто ослушается, арестуют. Стали больше вербовать солдат, и поскольку очень старались нанять и меня, я уехал обратно в Данциг⁸⁶.

Ежедневный рацион в семье Канта был, вероятно, столь же однообразным, как и в этом рассказе, и скудным даже в лучшие времена. Тем не менее, так обычно питались мелкие ремесленники того времени, и было бы неправильно считать Кантов бедняками – по крайней мере, пока мать была жива.

Иоганн Георг и Анна Регина Кант были хорошими родителями. Они заботились о детях как могли. Если мы что-то и знаем о детстве Канта наверняка, так это то, что оно было беспечным. Вот что говорил позже один из его ближайших коллег:

Кант сказал мне, что когда он более пристально наблюдал за обучением в одном графском доме неподалеку от Кёнигсберга, то часто думал о несравнимо более благородном образовании, которое он сам получил в доме родителей. Он был им благодарен и говорил, что никогда не видел и не слышал дома ничего недостойного⁸⁷.

Эти слова подтверждает и Боровский:

Как часто я слышал его слова: «Никогда, ни разу не слышал я ничего недостойного от моих родителей, и не видел ничего бесчестного». Он сам признавал, что, возможно, лишь немногие – особенно в наш век – могут вспоминать свое детство с такой благодарностью,

---

Selbstzeugnisse seit der Reformationszeit (Göttingen: Musterschmidt Verlag, 1957), p. 79–91.

⁸⁷ Краус, цит. по: Reicke, *Kantiana*, p. 5П.

с какой он всегда вспоминал и вспоминает до сих пор⁸⁸.

Действительно, Кант мог сказать о родителях только хорошее. Так, позже он писал в письме: «Мои родители (из сословия ремесленников) были абсолютно честными, добродетельными и порядочными. Они не оставили мне состояния (но не оставили и долгов). Кроме того, они дали мне образование, наилучшее с нравственной точки зрения. Каждый раз, когда я думаю об этом, меня охватывает чувство огромной благодарности»⁸⁹.

Когда в 1746 году Иоганн Георг умер, Эмануил, старший сын – ему почти исполнилось двадцать два года – написал в семейной Библии: «24 марта моего дорогого отца забрала счастливая смерть. Да позволит ему Всевышний, не одаривший его множеством радостей при жизни, приобщиться к вечной радости»⁹⁰. Мы можем исходить из того, что Кант лю-

---

⁸⁸ Borowski, *Leben*, p.12; см. также: Jachmann, *Kant*, p.135, где утверждается, что Кант часто называл свое образование щитом (*Schutzwehr*) сердца и морали от злых впечатлений (*lasterhafte Eindrücke*). Яхман тоже характеризовал воспитание Канта дома и в школе как «целиком и полностью пиетистское».

⁸⁹ Черновик письма Линдблому, 13 октября 1797 года (Ak 13, p. 461; само письмо: Ak 12, p. 205–207). Это единственное высказывание о родителях, написанное самим Кантом. Оно придает достоверность тому, что сообщают другие. Насколько важным было для Канта нравственное состояние его семьи, видно также из его письма к жениху дочери брата от 17 декабря 1796 года (Ak 12, p.140), где он писал: «Поскольку кровь двух моих уважаемых родителей в разных ее потоках никогда не была запятнана чем-либо морально неприличным, я надеюсь, что Вы обнаружите это и в своей возлюбленной.»

⁹⁰ Emil Arnoldt, “Kant’s Jugend,” in Emil Arnoldt, *Gesammelte Schriften*, 6 vols.,

бил и уважал отца: многое в его строгих нравственных принципах, вероятно, восходит к этому трудолюбивому человеку, содержавшему семью в далеко не всегда простых условиях. Мать, по всей видимости, значила для Канта даже больше, и он вспоминал о ней гораздо нежнее. Как утверждают, он говорил: «Никогда не забуду своей матери. Она взлелеяла во мне первые зародыши добра, она открыла мое сердце впечатлениям природы, она пробудила и расширила мои представления, и ее поучения оказывали постоянное спасительное воздействие на мою жизнь»⁹¹. Она была «женщиной большого ума. большого сердца и подлинной, нисколько не фанатичной религиозности»⁹². Кант не только считал, что унаследовал от матери внешность, – но и что она больше всего повлияла на первое формирование его характера, заложила основы того, кем он станет позже. Она его очень любила, и он чувствовал ее любовь. В лекциях по антропологии он говорит, что обычно отцы балуют своих дочерей, а матери

---

ed. Otto Schöndörffer (Berlin, 1907–1909), I, p. 608–609. См. также: Stuckenberg, *Kant*, p. 6.

⁹¹ Гулыга, *Кант*, с.16. См.: Jachmann, *Kant*, p.169. Он также говорит, что глаза Канта всегда наполнялись слезами, когда он говорил о своей матери, и что он называл ее «любящей, чувствительной, благочестивой и праведной женщиной и нежной матерью, которая научила своих детей бояться Бога, давая им религиозные уроки и подавая им пример добродетели. Она часто уводила меня из города и обращала внимание на Божий промысел». См. также: Wasianski, *Kant*, p. 250–251.

⁹² Э.А.К.Васянский, “Иммануил Кант в последние годы жизни”, *Кантовский сборник*, № 3 (41), 2012, с. 92.

– сыновей, и что матери предпочитают активных и смелых сыновей⁹³. В то же время он говорит, что сыновья обычно больше любят отцов, потому что

...дети, если они только уже не избалованы, любят удовольствия, сопряженные с трудностями. Обычно матери распускают своих детей. И вместе с тем замечают, что дети, особенно сыновья, больше любят отцов, нежели матерей. Это, вероятно, происходит потому, что матери не дают им прыгать, бегать и т. п. из страха, что они могут повредить себе. Наоборот, отец, который их бранит, а иной раз и бьет за шалости, выводит их иногда в поле и позволяет им тогда чисто по-мальчишески бегать, играть и резвиться⁹⁴.

Хотя он вовсе не обязательно имеет в виду собственные отношения с матерью и отцом, есть все причины полагать, что он любил их обоих, хотя, возможно, и по-разному.

Мать Эмануэла была более образованной, чем большинство женщин в XVIII веке. Она хорошо писала. Фактически она, кажется, вела все записи по дому. Она ходила с сыном

---

⁹³ Иммануил Кант, “Антропология с прагматической точки зрения”, в: Кант, *Собр. соч.* 7, с. 349; Ак 7, р. 310. Слово «фанатичный» или «энтузиастичный» (*schwärmerisch*) означает очень эмоциональную религиозность, которая была распространена во многих пиетистских группах, особенно у гернгутеров. У этого слова была долгая история. Уже Джон Локк выступал против него в своем «Опыте». См.: Джон Локк, “Опыт о человеческом разумении. Книга четвертая”, в: Джон Локк, *Сочинения: в 3 т.*, т. 2 (Москва: Мысль, 1985), с. 177–186.

⁹⁴ Иммануил Кант, “О педагогике”, в: Иммануил Кант, *Собр. соч.* 8, с. 438–439; Ак 9, р. 477–478.

гулять, «обращала его внимание на предметы и некоторые явления природы. Знакомила его с некоторыми полезными растениями, даже рассказала ему о строении неба все, что знала сама, и дивилась его сообразительности и остроте его ума»⁹⁵.

Бабушка Канта умерла в 1735 году. Сколь бы ни было печально это событие, оно, возможно, облегчило положение семьи. На один рот меньше, меньше работы для матери, больше места для детей. В ноябре того же года Анна Регина родила еще одного ребенка, сына (Иоганна Генриха). Через два года (18 декабря 1737 года) она умерла в возрасте сорока лет, изнуренная девятью беременностями и тяготами заботы о семье.

Эмануилу было тринадцать, когда мать умерла, и ее смерть сильно на него повлияла. Сообщают, что в старости он рассказывал о смерти матери следующее:

[У нее] была одна очень любимая ею подруга. Она любила одного мужчину, которому подарила все свое сердце, не потеряв, однако, своих чести и достоинства. Несмотря на обещание жениться, он изменил ей и вскоре обручился с другой. В итоге боль и грусть повергли обманутую девушку в сильную смертельную лихорадку. Принимать выписанные ей лечебные средства она отказывалась. Подруга, которая заботилась о ней на смертном одре, подносила

---

⁹⁵ Васянский, «Иммануил Кант в последние годы жизни», *Кантовский сборник* № 3 (41), 2012, с. 93.

ей наполненную ложку. Больная отказывалась от лекарства, а в оправдание говорила, что у него отвратительный вкус. Мать Канта не придумала для переубеждения ее ничего лучше, чем самой принять это лекарство из ложки, которой та уже коснулась. Но отвращение и дрожь охватили ее в то мгновение, когда она это сделала. И то и другое усилились воображением, а тут вдобавок она заметила пятнышки на теле своей подруги, которые приняла за петехии, так что сию же секунду заявила, что этот поступок принесет ей смерть. Она слегла в тот же день и вскоре пала жертвой дружбы⁹⁶.

Васянский, который сообщил об этой истории, говорит, что Кант рассказал ему ее, исполненный «любви и нежности со стороны благодетельного и благодарного сына».

Скрывается ли что-то еще в этой истории? Показывает ли она только любовь и благодарность или в ней таится что-то более мрачное? Можно ли сделать вывод о тайной обиде на мать, которую Кант все еще испытывал, даже когда ему было за семьдесят? Обвинял ли Кант и подругу, и мать за то, что она покинула его, а следовательно, предала? Хартмут и Гернот Бёме утверждают, что мальчик на самом деле был убежден, что смерть Анны Регины есть не что иное, как наказание за то, что она была «плохой» матерью, и что это мучило

---

⁹⁶ Васянский, “Иммануил Кант в последние годы жизни”, *Кантовский сборник* № 3 (41), 2012, с. 93 (перевод изменен. – Прим. ред. ‘).

его всю жизнь⁹⁷. Они также видят здесь истоки последующего взгляда Канта на мораль как на свободу от привязанности и желания: Кант винил мать за то, что она умерла, чувствовал себя из-за этого виноватым, и потому ему было трудно горевать. Он «подавлял» горе и в то же время вину, и потому не научился ценить важность нашей нерациональной стороны⁹⁸. Это возможно, но маловероятно. Какое бы глубинное психоаналитическое прочтение не позволяла поверхностная канва этой истории, следует помнить, что это все-таки прочтение текста Васянского, а не Канта. В конце концов, это не слова самого Канта. Даже будь правдой то, что растерянность, мучившая Канта из-за безвременной кончины матери, продолжала влиять на него в старости (или, возможно,

---

⁹⁷ Эти вопросы могут показаться странными, но их поднимают Бёме в: Böhme and Böhme, *Das Andere der Vernunft*, p. 483–484.

⁹⁸ В Böhme and Böhme, *Das Andere der Vernunft*, p.484, утверждается, что Кант был заиклен на своей матери всю жизнь. Часть их «аргументации» основана на ложной информации. Бёме пишут, что Кант был первым выжившим ребенком своих родителей, что неверно. У Канта была старшая сестра. Они также говорят, что отец Канта «не оказал на сына никакого влияния», что его «во многом игнорировали (*ausgeblendet*)». Однако отца Канта игнорируют биографы Канта, что не значит, что его игнорировал сам Кант. Не следует придавать слишком большое значение словам первых биографов. По некоторым причинам первые биографы уделяли матери особое внимание, но, как мы увидим далее, эти причины разительно отличались от тех, которые предполагают Бёме. Кроме того, Ринк отмечает: «Он [Кант] с благодарностью носил в своем сердце образ отца даже в последние годы жизни. Но, насколько это только возможно, он вспоминал о матери с большей нежностью» (Rink, *Ansichten*, p. 13). Ринк постоянно говорит о «родителях», а не только о матери.

снова одолела его в старости), из этого нельзя было бы вывести какие-либо важные заключения о жизни Канта в целом. Смерть матери непроста для тринадцатилетнего, но она не объясняет его дальнейшего философского развития.

Анну Регину похоронили «тихо» и «бедно». Это означало, что процессии не было и что за похороны заплатили цену, которую могли себе позволить небогатые люди⁹⁹. Из соображений уплаты налогов семью Канта в 1740 году во всеуслышание объявили «бедной», и если раньше Иоганн Георг платил 38 талеров налогов, то теперь – всего 9 грошей¹⁰⁰. Учиты-

---

⁹⁹ Форлендер делает из этого факта определенные выводы о доходах отца Канта: Vorländer, *Immanuel Kant*, I, p. 19. Сомневаюсь, что это возможно. Учитывая их религиозные убеждения, им было чуждо любого рода хвастовство. Вполне вероятно, что они считали уместными именно простые похороны матери и отца. Более того, как показывает декрет 1748 года, практика «молчаливого» захоронения родственников стала довольно распространенной в сороковые годы. Было сочтено необходимым ужесточить правила относительно того, кого можно было хоронить таким образом. См.: Ludwig Ernst Borowski, *Neue Preußische Kirchenregistratur...* (Königsberg, 1789), p.18f, 269–270. Действительно, многие из беднейших жителей Кёнигсберга, которые не могли себе позволить расходы незаконно хоронили своих родственников за городом. В то же время торговцы настаивали на самых роскошных похоронах (зарезервированных для знати), хотя правилами им запрещалось, например, ездить на похороны в экипаже. См.: Gause, *Königsberg*, II, p. 59. Как пиелист, отец Канта вполне мог счесть, что «тишина» более уместна, чем помпезность, даже если он мог себе ее позволить. Соответственно, нужно быть осторожным и не делать конкретных выводов о финансовом положении семьи на основе того, как они хоронили умерших. См. также: Paul Graff, *Geschichte der Auflösung der alten gottesdienstlichen Formen in der evangelischen Kirche Deutschlands*, II, *Die Zeit der Aufklärung und des Rationalismus* (Göttingen: Vandenhoeck & Rupprecht, 1939), p. 278.

¹⁰⁰ Неясно, какова была ставка налога, но 38 талеров были значительной сум-

вая это ухудшение положения, неудивительно, что семья получала помощь родственников и друзей. Так, им привозили дрова от благотворителей, а за обучение Эмануила заплатил дядя (брат матери, сапожник), живший лучше, чем отец¹⁰¹. К тому времени, как Кант стал известным философом, некоторые утверждали, что семья Канта была нищей, но так, кажется, дело никогда не обстояло. Васянский посчитал необходимым затронуть эту тему, заявив, что «его родители были не богатыми, но и никак не настолько бедными, чтобы испытывать нужду; еще менее [верно утверждение,] что они были нищими или что им приходилось волноваться о пропитании. Они зарабатывали достаточно для содержания домашнего хозяйства и образования детей». Он также указал, что если они и получали помощь от других, то довольно незначительную¹⁰². Тогда не существовало «социальной сети поддержки» в сегодняшнем смысле этого слова, но родственники присматривали друг за другом и снабжали необходимым.

У Канта было мало общего с братом и сестрами. Ни с кем из них он не был особенно близок. Когда на исходе его жизни сестра Катарина Барбара ухаживала за ним, он стыдился ее

мой. Арендная плата за небольшую квартиру составляла 40 талеров в год, а студент должен был жить на 200 талеров в год.

¹⁰¹ Это тот самый дядя, который взял к себе младшего брата Канта после смерти матери. Неудивительно, что младший брат чувствовал себя ближе к этой семье, чем Эмануил.

¹⁰² Васянский, «Иммануил Кант в последние годы жизни», *Кантовский сборник* № 3 (41), 2012, с. 92.

«простоты», хоть и был ей благодарен. С единственным выжившим братом, Иоганном Генрихом, который родился, когда Кант уже ходил во Фридрицианум, он тоже почти не общался. Он едва находил время, чтобы ответить на его письма. Это не означает, что Кант не выполнял добросовестно того, что считал своими обязанностями по отношению к ним. Очевидно, что он поддерживал их, когда им нужна была помощь¹⁰³. И хотя он держался особняком, он никогда не забы-

---

¹⁰³ Его старшая сестра, вероятно, умерла в 1792 году, так и не выйдя замуж. Вторая сестра (Мария Элизабет, родилась 2 января 1727 года) вышла замуж, а затем развелась около 1768 года. Она получала от брата Иммануила поддержку после развода до самой своей кончины в 1796 году. После ее смерти Кант продолжал регулярно выплачивать деньги четверым ее детям и указал их в своем завещании. Они также получили от Канта значительное приданое, когда вступали в брак, и его врач лечил их за его счет. Третья сестра (Анна Луиза, родилась в феврале 1730 года) умерла в 1774 году. Он также назначил пенсию своей самой младшей сестре (Катарине Барбаре, родившейся 15 сентября 1731 года), муж которой умер меньше чем через год после брака и о которой Кант хорошо заботился (*“sonst gut versorgt”*) в больнице Святого Георгия. Младший брат, Иоганн Генрих (родился 28 ноября 1735 года), воспитывался в доме зажиточного брата матери Канта. Они ходили в одну и ту же школу, и Иоганн Генрих позже посещал лекции Канта. Хотя они переписывались и позже, Кант оставался довольно холоден и сдержан по отношению к более эмоциональным выражениям своего брата, однажды написав на странице письма Иоганна Генриха: «Вся мораль состоит в выводе действия из идеи субъекта, *не из чувства (Empfindung)*». Когда его брат умер в 1800 году, Кант помогал его семье, хотя и не регулярно и, кажется, несколько неохотно. См.: Vorländer, *Immanuel Kant*, II, p. 17–26. И снова, Бёме (Böhme and Böhme, *Das Andere der Vernunft*, p. 485), как и другие до них, утверждают, что отношение Канта к ближайшим родственникам было симптоматичным, объясняя его дистанцирование от них как результат фиксации Канта на матери. Братья и сестры не имели значения. У него не было с ними никаких отношений, он просто «отплачивался от них». Это несправедливо, хотя Кант,

вал о своих обязательствах по отношению к семье.

Родители Канта были верующими. Большое влияние на них оказал пиетизм, особенно на мать, которая следовала пиетистским верованиям и обычаям, распространенным тогда в кругах ремесленников и малообразованных граждан Кёнигсберга. Пиетизм был религиозным движением внутри протестантских церквей Германии. Он возник в немалой степени как реакция на формализм протестантской ортодоксии. Ортодоксальные теологи и пасторы уделяли огромное внимание так называемым символическим книгам и требовали строгого буквального соблюдения их учения. Любого, кто не соглашался с традиционными теологическими доктринами, подвергали преследованиям и наказаниям. В то же время они не были особенно заинтересованы в духовном или финансовом процветании своей паствы. Большинство из них достигли удобных договоренностей с местным дворянством и высокомерно относились к простым и малооб-

---

возможно, во взрослой жизни меньше общался с сестрами и братом, чем некоторые из его коллег со своими родственниками – но не намного меньше. Даже в конце жизни Канта кёнигсбергское общество разделялось по социальному рангу. Один только ранг в действительности создавал барьеры, который ни сестры, ни Кант не захотели бы нарушать. То, что он заботился о них, более значимо, чем отсутствие близких отношений с ними. (О чем бы они между собой говорили?) Возможно, у него были более глубокие причины не поддерживать отношений с братом, но тот был младше более чем на десять лет, и Кант, вероятно, не очень хорошо его знал. Кроме того, младший брат не делал ничего, чтобы поддержать кого-либо из своих родственников, и даже не смог должным образом обеспечить свою жену и детей.

разованным горожанам. Пиетисты, напротив, подчеркивали важность независимого изучения Библии, личной преданности, священства мирян и практической веры, заключавшейся в благотворительных деяниях. Пиетизм был евангелическим движением, и обычно он подразумевал акцент на личном опыте радикального обращения или перерождения и на отказе от мирских критериев успеха¹⁰⁴. Пиетисты верили, что спастись можно только путем покаянной борьбы (*Bußkampf*), которая вела к обращению (*Bekehrung*) и пробуждению (*Erweckung*). В этой борьбе «старое я» посредством божественной благодати должно было смениться «новым я». Так «дитя мира» превращалось в «дитя Господа». Чтобы стать истинным христианином, нужно родиться заново и пройти через опыт обращения, для которого обычно можно было указать точный момент. Впрочем, перерождение было всего лишь первым шагом на длинном пути. Неугасимую веру обращенный должен был подтверждать заново каждый день «актами подчинения велениям Господа, [включавшим в себя] молитву, чтение Библии, отказ от греховных отвлечений и служение ближнему через акты благотворительности»¹⁰⁵.

Пиетизм был «религией сердца», очень отличной от

---

¹⁰⁴ Пиетизм имел значительное влияние и за пределами Германии. См.: F. E. Stoeffler, *The Rise of Evangelical Pietism*, 2nd ed. (Leiden, 1971).

¹⁰⁵ Richard L. Gawthrop, *Pietism and the Making of Eighteenth-Century Prussia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1993), p. 141.

интеллектуализма, и характеризовался эмоциональностью, иногда граничащей с мистицизмом. Везде, где закреплялся пиетизм, формировались небольшие круги «избранных». В самом деле, один из основных принципов пиетизма заключался в том, что все верующие должны собрать у себя *ecclesiola in ecclesia*, маленькую церковь «истинных христиан» (*Kernchristen*), отличную от официальной церкви – возможно, отошедшей от истинной сути христианства. Главным источником вдохновения для пиетистов была *Pia desideria* («Жертва угодная», 1675) Филиппа Якоба Шпенера (1635–1705), подзаголовок которой гласил: «Сердечное устремление к богоугодному улучшению истинной Евангельской церкви, вкупе с некоторыми на это простодушно нацеленными христианскими предложениями». Главным центром пиетизма в Пруссии был новый университет в Галле, где Август Герман Франке (1663–1727) с большим успехом проповедовал пиетистские идеи и откуда пиетизм распространился по всей Пруссии¹⁰⁶.

---

¹⁰⁶ Полезное введение см. в: Albrecht Ritschl, *Geschichte des Pietismus*, 3 vols. (Bonn: 1880–1896); Emanuel Hirsch, *Geschichte der neuen evangelischen Theologie*, 2nd ed. (Gütersloh, 1960), II, p. 91–143. См. также: Max Weber, *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, tr. Talcott Parsons, foreword by R. H. Tawney (New York: Charles Scribner's Sons, 1958), p. 128–139; Макс Вебер, «Протестантская этика и дух капитализма», в: Макс Вебер, *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма* (Москва: РОССПЭН, 2006), с. 97–106. Краткое собрание сочинений пиетистов см. в: Peter C. Erb (ed.), *Pietists: Selected Writings*, with a Preface by Ernest Stoeffler (New York: Paulist Press, 1983). О Франке и галльской школе см. особенно p. 97–215.

Одной из главных причин подобного успеха пиетизма было то, что Фридрих Вильгельм I посчитал его полезным для своих целей. Чтобы создать абсолютистское государство с сильной армией, эффективным управлением, твердой экономикой и универсальной и эффективной школьной системой, он полагался на самых известных участников пиетистского движения, помогавших ему продвигать реформы¹⁰⁷. Поскольку реформы во многом затрагивали интересы прусских дворян-землевладельцев, тесно связанных с более ортодоксальными силами в лютеранской церкви, политический конфликт между королем-абсолютистом и местной знатью стал в то же время конфликтом между теологической ортодоксией и пиетизмом. Это сочетание политических и теологических мотивов образовало взрывную смесь. Король в Берлине лишил дворян-землевладельцев множества привилегий, чтобы продвинуть собственное централизованное управление. Его кампания по обучению детей бедняков тоже рассорила его с дворянами-землевладельцами, поскольку школа отрывала детей от работы на полях и, соответственно,

---

¹⁰⁷ См.: Carl Friedrichs, *Preußentum und Pietismus. Der Pietismus in Brandenburg-Preußen als Religiös-Soziale Reformbewegung* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971). Он говорит о Кёнигсберге отдельно на р. 231–300. См. также: Mary Fulbrook, *Piety and Politics: Religion and the Rise of Absolutism in England, Württemberg and Prussia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983); Gawthrop, *Pietism and the Making of Eighteenth-Century Prussia*. О роли пиетизма в образовании см. в: особенности: James Van Horn Melton, *Absolutism and the Eighteenth-Century Origins of Compulsory Schooling in Prussia and Austria* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988). О ситуации в Пруссии см. особенно р. 23–59, 109–168.

доходы падали. Между централистскими силами в Берлине и дворянами-землевладельцами разгорелась борьба, часто ожесточенная, и пиетисты были тут естественными союзниками короля. И действительно, Фридрих Вильгельм I «все больше внедрял пиетизм в свою организацию, использовал его и тем самым менял его, а пиетизм, в свою очередь, менял самого короля»¹⁰⁸. Как бы здесь ни был силен соблазн сказать о «несвятом союзе» религии и политики, этот союз в целом отвечал скорее интересам обычных людей, нежели знати.

Пиетизм, который преподавали в Галле, отличался от пиетизма, которому учили в других областях Германии. Франке уделял больше внимания активной христианской жизни, чем другие пиетистские проповедники. Фактически он призывал к своего рода социальной активности. Акты благотворительности были не только личным делом каждого христианина, но и общей задачей прусского пиетистского сообщества. Франке основал в Галле множество учреждений для проживания и обучения сирот и других обездоленных детей, и он принялся за амбициозный образовательный проект, заметный далеко за пределами Галле. Социальные учреждения Франке должны были подать «идею и показать пример другим странам и королевствам, чтобы общее благо наступило повсюду»¹⁰⁹. Ежедневные акты благотворительности, ко-

---

¹⁰⁸ Friedrichs, *Preußentum und Pietismus*, p. 125.

¹⁰⁹ A. H. Francke, *Pädagogische Schriften*, 2nd ed., Hermann Lorenzen (Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1957), p. 123.

которые требовались от пиетистов, часто направлялись на поддержание работы приютов и школ для бедных. Именно этот галльский пиетизм оказал самое большое влияние на Кёнигсберг. Фактически между Галле и Кёнигсбергом в первой половине XVIII века была непосредственная прямая связь, а король охотно поддерживал назначение галльских пиетистов на официальные посты в Кёнигсберге. Именно такой пиетизм повлиял на родителей Канта.

Пиетизм стал господствовать в Кёнигсберге при Фридрихе Вильгельме I, но его влияние было заметно и раньше. Самыми важными из первых пиетистов в Кёнигсберге были Теодор Гер (1663–1707) и Генрих Лизиус (1670–1731). Гер, обратившийся в пиетизм в Галле, основал *collegium pietatis*¹¹⁰ в Кёнигсберге, а потом школу для бедных. Школа Гера с годами превратилась в гимназию. Получив протекцию короля в 1701 году, в 1703 году она стала называться Фридрицианум (*Collegium Fridericianum*). В то же самое время Лизиус стал директором школы, а поскольку его также назначили *extra ordinarius*’ом (экстраординарным профессором) на богословский факультет университета, влияние пиетизма на культуру Кёнигсберга выросло. Фактически у Лизиуса было более высокое официальное положение, чем у любого пиетиста в Кёнигсберге до тех пор. Это была первая значитель-

---

¹¹⁰ Так Шпенер назвал собрания для благочестивых целей и прежде всего с целью общего чтения Библии, которые он организовал в 1670 году во Франкфурте-на-Майне. Название это затем перешло и на другие аналогичные собрания (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона). – Прим. пер.

ная победа пиетизма.

И в самом деле, вначале пиетисты подвергались в Кёнигсберге гонениям как «уличные проповедники без профессии» (*unberuffene Winckelprediger*). Их обвиняли в том, что они основывали незаконные школы на углах улиц (*Winckelschulen*), составляя нечестную конкуренцию официальным школам, а также проповедовали ересь. Только когда Фридрицианум стал официальным учреждением, а его директора назначили преподавателем университета, пиетизм стал реальной угрозой ортодоксальным силам в Кёнигсберге. Когда часть школы преобразовали в церковь, где пиетистские проповеди «привлекли большую аудиторию», пиетизм начал встречать официальное сопротивление¹¹¹. Протестантское духовенство Кёнигсберга, факультет богословия и администрация города делали все возможное, чтобы остановить здесь успех пиетистов. Лизиуса обвинили в том, что он распространяет «хилиазм» и «необоснованную надежду на лучшие времена», извращая и умы своих последователей, и слово Господне. Его последователи были «обычными простодушными горожанами и ремесленниками», которым, «как сегодняшним квакерам, меннонитам, энтузиастам и другим заблудшим душам (*Irrgeister*), было позволено открывать Библию на своих собраниях. Они могли взять в ней какой-то текст или высказывание и объяснить, прокомментировать или истолковать его на свой лад. Он [Лизиус]

---

¹¹¹ Fulbrook, *Pietism and Politics*, p. 163.

проституирует драгоценное слово Господа и, так сказать, лепит на него восковой нос»¹¹². Вначале большинство студентов и преподавателей университета высмеивали пиетистов, а городское правительство и знать почти единодушно выступали против них. Даже после прибытия в город в 1731 году Франца Альберта Шульца (1692–1763) пиетизм все еще критиковал¹¹³. Хотя Шульц стал одной из главных фигур интеллектуальной и общественной жизни Кёнигсберга, ему пришлось преодолеть огромное сопротивление. Так что неверно было бы говорить, что культуру Кёнигсберга целиком и полностью характеризовал пиетизм, даже если новое движение получило большой успех среди обычных горожан, таких как

---

¹¹² Иначе говоря, может направлять его в какую угодно сторону, будто оно из воска. – *Прим. ред.*

¹¹³ Он сменил пиетиста Вольфа, умершего в 1731 году. Шульц нравился ортодоксальному духовенству не больше, чем его предшественники. Как и Рогаль, он был противоречивой фигурой. После окончания университета он был фельд-предигером, или полевым проповедником, на службе у короля. В некоторых старых дискуссиях это воспринимается как признак его смирения: он не предпочел никаких из более почетных должностей, которые были ему доступны, выбрав должность «простого» полевого проповедника. Не может быть ничего более обманчивого. В Пруссии того времени это был самый верный способ начать многообещающую карьеру. «Король-солдат» чрезвычайно высоко ценил тех, кто служил проповедниками для наиболее интересовавших его людей – а именно его солдат. Полевые проповедники позже стали его самыми доверенными церковными чиновниками. Так, Шульц стал сначала по королевскому указу пастором Альтштадтской церкви, а затем быстро сменил позиции консисторского советника (*Konsistorialrat*), профессора богословия в университете, директора Фридрицианума и члена Специальной церковно-школьной комиссии.

родители Канта¹¹⁴.

По видимости, родители Канта, особенно его мать, были на стороне Шульца и в долгу перед ним. Мать Канта часто брала старшего сына на уроки Библии, которые проводил Шульц, а Шульц часто приходил в гости и даже помогал семье, обеспечивая их дровами. Первые религиозные наставления вне дома Кант получил от этого человека, и пиетизм Шульца составил основу первого формального религиозного обучения Канта. К лучшему или к худшему, благодаря родителям – и особенно благодаря матери – Кант стал частью пиетистского движения. Споры между пиетистами и более традиционными членами кёнигсбергского общества стали до некоторой степени его собственными. Когда пиетистов поносили, он наверняка должен был чувствовать, что это ущемляет его родителей – и в какой-то степени его самого.

У Шульца был сложный характер, большие амбиции и *geheime Cholera*, скрытая холерическая жилка. Более того, даже желая найти компромисс в теологии между рационализмом в духе Вольфа и пиетизмом, он бескомпромиссно

---

¹¹⁴ Тем не менее, так часто утверждают. Работа Benno Erdmann, *Martin Knutzen und seine Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte der Woffischen Schule und insbesondere zur Entwicklungsgeschichte Kants* (Leipzig, 1876; переизд. Hildesheim: Gerstenberg, 1973) дает некоторое представление о сложности ситуации. В работе Paul Kalweit, *Kants Stellung zur Kirche* (Königsberg, 1904), p. 1, правильно отмечается, что пиетизм только начинал доминировать в Кёнигсберге, когда родился Кант. И хотя пиетизм стал более влиятельным после 1724 года, другие аспекты кёнигсбергской культуры также остались важными.

преследовал общие цели галльского пиетизма и берлинского абсолютизма. Он не только изучал теологию в Галле – соответственно, на него оказывал большое влияние Франке, – но и продолжал учиться у Вольфа, так что его теология представляла собой попытку объединить идеи пиетистов и Вольфа, точнее сказать, сформулировать идеи пиетистов, пользуясь терминологией и методами Вольфа¹¹⁵. Благодаря ему философия Вольфа, все еще официально запрещенная в Пруссии, завоевала более широкое признание в университете¹¹⁶. Шульц находился в хороших отношениях с берлинским правительством. Взгляды короля на Вольфа изменились. Фридрих Вильгельм I стал ценить его философию. Прочитав некоторые его работы, он больше не думал, что философия Вольфа и пиетизм противоречат друг другу. Он попытался вернуть Вольфа в Пруссию и даже приказал всем студентам-теологам изучать его: «Они должны хорошо разбираться в философии и в здоровой логике на примере профессора Вольфа»¹¹⁷. Итак, Шульц оказался правильным че-

---

¹¹⁵ Более того, он пытался выступить посредником между Вольфом и пиетистами во время знаменитого спора, который привел к изгнанию Вольфа из Пруссии.

¹¹⁶ Некоторым из старых пиетистов было трудно принять такой подход.

¹¹⁷ Norman Balk, *Die Friedrich-Wilhelms Universität* (Berlin, 1926), p.30; см. также: F. A. von Winterfeld, “Christian Wolff in seinem Verhältnis zu Friedrich Wilhelm I und Friedrich dem Großen,” *Nord und Süd* 64(1893), p. 224–236; Hans Droysen, “Friedrich Wilhelm I, Friedrich der Grosse und der Philosoph Christian Wolff,” *Forschungen zur brandenburgischen und preussischen Geschichte* 23 (1910), p. 1–34.

ловеком, появившимся в правильное время. Его политическое чутье было столь же здравым, как и теологическое.

Этот новый поворот имел важные последствия для кёнигсбергского пиетизма, каким его знали родители Канта и сам Кант. Этот пиетизм возник из галльского пиетизма, но был не таким «фанатичным», имея вольфианское и, таким образом, более «рационалистичное» видение мира¹¹⁸. Шульц был противником чересчур энтузиастичной набожности¹¹⁹. Как Франке значительно изменил доктрину Шпенера, по крайней мере для того, чтобы извлечь выгоду из представлявшихся в Пруссии возможностей, так и Шульц изменил взгляды Франке под влиянием другого окружения и другого времени; кёнигсбергский пиетизм нельзя просто отождествлять с галльским. Первый был странной разновидностью последнего и во многом ближе к философии ортодоксальной протестантской партии, чем можно было бы предположить по их спорам: философом их школы был не Ари-

---

¹¹⁸ Боровский считал, что Шульц «был неприкрытым врагом любого рода связей с неизвестными силами и любого рода энтузиазма (*Schwärmerei*). Он помешал графу Цинцендорфу создать конгрегацию. Когда Цинцендорф путешествовал по Кёнигсбергу, Шульц, как декан факультета, пригласил его на встречу. После этого он много лет приставал к нему с брошюрами, агитируя в пользу закона против тех, кто утверждал, что они единственные истинные проповедники Евангелия». См.: Erdmann, *Martin Knutzen*, p. 47–48.

¹¹⁹ Почти мистический и очень эмоциональный характер некоторых вюртембергских пиетистов был ему чужд. Хотя его язык показался бы очень знакомым тому, кто читал *Pia desideria* Шпенера, его учение во многом отличалось и не всегда было с ним в согласии.

стотель, а Вольф.

Шульц в своих действиях часто руководствовался как политическими требованиями, исходившими от короля в Берлине, так и беспокойством о духовном благополучии кёнигсбержцев. В самом деле, как кажется, ему и его последователям часто было трудно разделить эти два соображения, и при Шульце лютеранские пасторы становились больше похожими на учителей, чем на проповедников. Обучение основам христианства стало в еще большей степени связано с обучением чтению, письму и арифметике. Так что неудивительно, что у Шульца скоро появились враги – и не только среди противников пиетизма. Осуществляя программу Фридриха Вильгельма I вопреки желаниям более ортодоксальных священников и их друзей из официальных лиц и знати, Шульц навлек на себя гнев многих. Более того, он был так тесно связан с королем, что не на шутку испугался, когда в 1734 году король тяжело заболел. Шульц написал другу, что ему уже угрожали и предсказывали, что «ему отрубят голову, не пройдет и трех дней после смерти короля». Чуть позже он сообщил: «Каждый день здесь все больше шума. Теперь даже чернь начинает принимать участие. Потому уже несколько недель я едва могу безопасно пройти по улице. Вечером я вообще не могу выйти из дома»¹²⁰. Его противники

---

¹²⁰ Carl Hinrichs, *Preußentum und Pietismus*, p. 281. See also “Der Hallesche Pietismus als Politisch-Soziale Reformbewegung des 18. Jahrhunderts,” *Jahrbuch für die Geschichte Mittel-und Ostdeutschlands* 2 (1953), p. 177–189.

били окна, устраивали шумные протесты перед его домом и перед домами других профессоров-пиетистов, оставляли на улицах оскорбительные надписи. И все же пиетисты стояли на своем, глядя на своих противников как на врагов самого Господа, и продолжали вершить то, что считали богоугодным делом. Тогда как остальные видели в них всего лишь марионеток Фридриха Вильгельма I, они настаивали, что их дело праведно. В начале тридцатых годов пиетисты одержали верх в борьбе с ортодоксией, и Фридрих Вильгельм I заполучил целый ряд побед против местной кёнигсбергской оппозиции его централизованному государству¹²¹.

Тот факт, что Эмануил вырос в таком религиозном окружении, конечно, сказался на его духовном развитии, хотя трудно понять, насколько. Религиозный фон, на котором протекала ранняя жизнь Эмануила, был полон глубоких противоречий, и его составляющие воспринимались в других городах как противные принципам истинной веры. Идеи пиетистов оказывали на Канта влияние с очень ранних лет, но эти идеи были опосредованы влиянием Шульца. Юный Кант столкнулся с кёнигсбергским пиетизмом, а не с каким-либо иным. Мировоззрение его матери, которое

---

¹²¹ Комедия Луизы Адельгунды Виктории Готшед *Die Pietisterey im Fischbein-Rocke, oder die doktormäßige Frau* («Пиетизм в юбке, или ученая женщина») 1737 года бросает интересный свет на это время. Она создавалась с целью высмеять обстановку в Кёнигсбеге. См.: L. A. Gottsched, *Pietism in Petticoats and Other Comedies*, tr. Thomas Kerth and John R. Russell (Columbia, S.C: Camden House, 1994).

сам Кант называл «подлинной, *нисколько* не фанатичной религиозностью», походит на взгляды Шульца. И все же маловероятно, чтобы пиетизм оказал сколько-нибудь основательное и длительное влияние на философию Канта¹²². Сомнительно даже, что пиетизм его родителей оставил сколько-нибудь значительный отпечаток на интеллектуальном мировоззрении Канта, пусть даже его первые биографы настаивали на этом. У них не больше оснований так утверждать, чем у нас сегодня. Боровский говорит, что «отец Канта ждал от сына трудолюбия и полной честности, а мать требовала от него благочестия в соответствии с основными идеями (*Schema*), которые она о благочестии сформировала. Отец требовал работы и честности – мать вдобавок требовала святости (*Heiligkeit*)»¹²³. Далее Боровский отмечает, что Кант «достаточно долго находился под присмотром родителей, чтобы он мог правильно оценить цельность их образа мысли (*Denkart*)», и что «требование святости», которое мы находим во второй «Критике» Канта, идентично требованиям его матери в детстве. В том же ключе Ринк цитирует слова Канта о родителях:

Если даже религиозные представления того времени и понятия о добродетели и религиозности отнюдь

---

¹²² Большинство комментаторов, которые это заявляют, довольно неопределенно говорят о том, что этот пиетизм на самом деле из себя представлял. См.: Keith Ward, *The Development of Kant's View of Ethics* (Oxford: Basil Blackwell, 1972), p. 3, как один пример из многих.

¹²³ Borowski, *Leben*, p. 37.

не были отчетливыми и удовлетворяющими, суть их сохранялась. Как бы ни судить о пиетизме, несомненно, что те, для кого это было серьезно, выгодно отличались от других. Они обладали высшим, чем может обладать человек: спокойствием, веселостью, внутренним миром, – которые не может нарушить страсть. Ни нужда, ни преследования не ввергали их в уныние, спор не мог вызвать их гнев или враждебность¹²⁴.

Высказывания, приписываемые Канту, показывают, что он уважал родителей и тех, кто жил по пиетистским обычаям. Также видно, что Кант положительно оценивал влияние матери на его нравственность. И все же по ним нельзя сказать, что зрелые взгляды Канта были хоть чем-то близки пиетизму. Действительно, может быть верно, что Кант «достаточно долго находился под присмотром родителей, чтобы он мог правильно оценить цельность их образа мысли», но это не означает, что он сам принял их образ мысли как осознанно сформулированную доктрину¹²⁵. Если эти цитаты что и показывают, так это то, что взрослый Кант вовсе не считал поведение этих добродетельных и благочестивых лю-

---

¹²⁴ Кассирер, *Жизнь и учение Канта*, с. 20. См.: Rink, *Ansichten*, p. 13–14.

¹²⁵ Следует помнить, что сам Кант считал, что «дети не могут постигнуть все религиозные понятия», даже если их нужно научить некоторым из них, а именно тому, что не может означать «Бог». В частности, он считал крайне важным учить, что «истинное богопочитание состоит в том, чтобы действовать по воле Божьей» и что необходимо соединить понятия «Бога» и «долга» (Кант, «О педагогике», с. 458; Ak. 9, p. 495).

дей проистекающим из какой-либо доктрины. Он ценил их за поступки, а не за богословские теории. Было бы ошибочно на основании такого слабого доказательства утверждать, что «решающую роль в понимании взглядов Канта в действительности играет тот факт, что оба его родителя были членами пиетистской церкви»¹²⁶. В самом деле, обе цитаты показывают, что на уровне теории Кант мало чему научился, если научился чему-то вообще, из первого знакомства с пиетизмом. Его хвала нравственному достоинству тех, кто *серьезно* относился к собственному пиетизму, является по сути сомнительной похвалой, так как не исключает того, что о самом пиетизме можно было бы сказать много нехорошего. Кант делает различие между теми, кто серьезно относился к пиетизму, кто жил им, не обязательно четко формулируя для себя какие-то его идеи или доктрины, и теми, кто серьезно к нему не относился и не жил по его заповедям, зато много о нем говорил. Наконец, как мы уже видели, Боровский, будучи сам епископом прусской лютеранской церкви, намеренно преуменьшает отличия между разными фракциями лютеранства. Он хотел связать моральную философию Канта с пиетизмом отчасти из политических мотивов. Он не только желал преуменьшить разницу между пиетизмом и ортодоксией, но и хотел показать, что религиозные взгляды Канта в итоге были близки взглядам церкви.

---

¹²⁶ Ward, *The Development of Kant's View of Ethics*, p. 3. Это неверно, поскольку нет такой церкви.

Кант получил от своих родителей не подготовку по вопросам конкретной религиозной дисциплины, а теплую, понимающую и поддерживающую обстановку, которая укрепила его веру в свои способности и чувство собственного достоинства. Родители любили и его сестер, и брата, «Мануэльчика» (*Manelchen*), как звала его мать. Более того, они не только любили своих детей, но и относились к ним с уважением. Они учили их своим примером и не только создали гармоничный и достойный, хоть и простой и экономный, родной очаг для всех своих детей, но и предоставили старшему сыну все возможности для развития.

Кант несколько раз оставляет свидетельства о том, чему он научился у родителей. В поздний период своей жизни он заявлял, что получил от них «образование, наилучшее с нравственной точки зрения», и всю жизнь высказывался об идеале раннего нравственного воспитания. Поэтому, вероятно, лучше всего послушать, что говорит Кант о лучшем нравственном воспитании детей, и принять это как намек на то, чему он научился у родителей. В так называемых «Лекциях по педагогике» он проводит различие между физической культурой, которая основывается на дисциплине, и моральной, которая основывается на принципах, или максимах. Первая не позволяет детям думать, а просто тренирует их. Моральная культура основана на максимах. В ней, размышляет он, «все испорчено, если захотят основать ее на примерах, угрозах, наказаниях и т. п.» Необходимо подве-

сти ребенка к тому, чтобы он вел себя хорошо, исходя из принципов, а не по привычке, чтобы он не только поступал хорошо, но потому поступал так, что это хорошо. «Ибо все моральное достоинство поступков заключается в принципах добра»¹²⁷. В частности, чтобы развить в детях моральный характер, «с теми обязанностями, которые они должны исполнять, детей следует знакомить, насколько возможно, с помощью примеров и приказаний. Обязанности, которые должен исполнять ребенок, – это всего лишь обычные обязанности по отношению к себе самому и к другим». В связи с этим они заключаются главным образом в опрятности и воздержанности,

...чтобы человек обладал известным внутренним достоинством, которое придает ему благородство по сравнению со всеми прочими созданиями; его прямая обязанность – не отречься от этого общечеловеческого достоинства в своем собственном лице.

Опьянение, противоестественные грехи и все виды невоздержанности – для Канта примеры такой потери достоинства, ставящей человека ниже животного. Особенно важно,

---

¹²⁷ Кант, “О педагогике”, с.436; Ak. 9, p.475. Wolfgang Ritzel, “Wie ist Pädagogik als Wissenschaft möglich,” in *Kant und die Pädagogik. Pädagogik und praktische Philosophie* (Würzburg: Könighausen & Neumann, 1985), p. 37–45, p.36: здесь совершенно верно указано, что текст Ринка следует использовать с осторожностью, так как он смешал заметки из разных периодов и не всегда ясно, что является собственным высказыванием Канта.

что Кант считает, что «пресмыкаться» – говорить льстивые слова – тоже противоречит человеческому достоинству. Дети должны избегать главным образом лжи, поскольку «ложь делает человека предметом всеобщего презрения; это – средство лишить его самого уважения», которое «каждый должен питать к себе».

У нас есть и обязанности по отношению к другим, поэтому

...в ребенке должно быть заранее развито почтение (*Ehrfurcht*) и уважение к праву людей, и следует внимательно следить за тем, чтобы он проявлял его; например, когда ребенок встречается с другим, бедным ребенком и надменно отталкивает его прочь, бьет его и т. п., то не следует говорить ему: «не делай этого, ведь другому больно; будь же сострадателен! Это бедный ребенок» и т. п.¹²⁸

Вместо этого нужно дать ребенку знать, что его поведение противно «человеческому праву».

В целом Кант считал, что не стоит заставлять детей жалеть других, а следует привить им чувство долга, самоуважения и уверенности¹²⁹. Он считал, что именно это удалось его родителям. Кант также подчеркивал, что ребенок нуждается в хорошем примере, указывая, что «подражание для человека еще не воспитанного есть первое определение воли к приня-

---

¹²⁸ Кант, «О педагогике», с. 450–451; Ак. 9, р. 488–489.

¹²⁹ Кант, «О педагогике», с. 451; Ак. 9, р. 489.

тию максим, которые он в дальнейшем делает для себя [руководящими]»¹³⁰.

Заметки Канта о родителях показывают – он считал, что они подали ему прекрасный пример. Похоже, что Кант впервые научился долгу по отношению к себе и к другим, подражая им. Он также считал, что детей следует учить некоторым религиозным понятиям – «они лишь должны быть скорее отрицательными, чем положительными. Заставлять детей заучивать готовые предписания – бесполезное дело, которое может лишь внушить им превратное представление о благочестии. Истинное богопочитание состоит в том, чтобы действовать по воле божьей, – вот что следует преподавать детям»¹³¹ Иными словами, религиозные понятия могут укрепить нравственные ценности, и никак иначе. В «Метафизике нравов» он еще отчетливее разделяет нравственность и религию. Он советует знакомить школьников сначала с моральным катехизисом, а не религиозным, утверждая, что в воспитании «очень важно не преподносить моральный катехизис смешанным с религиозным. и тем более не допускать, чтобы он следовал за религиозным катехизисом»¹³². Сомнительно, чтобы старый Кант называл воспитание, кото-

---

¹³⁰ Иммануил Кант, “Метафизика нравов”, в: Иммануил Кант, *Собр. соч.* 6, с. 526–527; Ак 6, р.479. Кант здесь говорит об учителях, но это касается и родителей.

¹³¹ Кант, “О педагогике”, с. 458; Ак. 9, р. 495.

¹³² Кант, “Метафизика нравов”, с. 532; Ак 6, р. 484.

рое он получил от родителей, «наилучшим с нравственной точки зрения», если его настолько пронизывали религия и «требование святости», как считает Боровский¹³³.

И все же моральная философия Канта может отчасти корениться в раннем детстве. Канты были не только пиетистами; поскольку отец Канта был ремесленником, а его родители – членами гильдии, они должны были разделить с сыном нравственные добродетели, укорененные в этосе ремесла (*Handwerk*), гильдий и ремесленников¹³⁴. Этот этос харак-

---

¹³³ Изложение Кантом его представлений о надлежащем воспитании детей не является в первую очередь описанием его собственного воспитания. Поэтому следует соблюдать осторожность в отношении того, чтобы делать из этого изложения выводы о юности Канта. Учитывая, что он характеризовал свое первое образование как нравственно *идеальное*, разумно использовать его зрелый взгляд на образование для прояснения того, как он сам получал образование. Безусловно, куда уместнее использовать комментарии Канта, чем комментарии Боровского и других. Если серьезно отнестись к кантовскому учению о хорошем нравственном воспитании, то в нем нет места для «требования святости», которое определяет Боровский. Детей нужно учить исполнять свой долг, а не «угождать» Богу (или кому бы то ни было еще, если уж на то пошло). «Святой» для Боровского и пиетистов в основном означало «принадлежащий Богу, происходящий от него или связанный с ним». Кант считал, что лучше оставить подобные понятия на потом.

¹³⁴ См., например: Justus Moser, *Patriotische Phantasien* (1774–1786), особенно главы «Дети богатых должны учиться ремеслу», «Об упадке ремесла в малых городах» и «Соответственно, всякий ученый должен научиться ремеслу». Ринк (Rink, *Ansichten*, р. 6–7, 10–11) утверждал, что прусское правительство оказало фундаментальное влияние на нравственное мировоззрение Канта, и спрашивал (риторически): «Не могло ли это строгое требование закона в его системе быть, хотя бы косвенно, результатом строгой заботы о законе в его Отечестве, и не могло ли оно составить основу его характера?» Интересно также, как Ринк свя-

теризовался больше гордой независимостью от короля и господина, духом самоопределения и самодостаточности (даже при самых неблагоприятных обстоятельствах), чем покорностью и подчинением высшим властям. Могущество гильдий в начале XVIII века легко переоценить, но социальное положение ее членов так же легко недооценить. Немаловажно, что Кант всю жизнь очень осознанно держал в уме свое происхождение.

Центральным нравственным принципом системы гильдий была «честь» (*Ehre*). И в самом деле, без чести член гильдии был ничем. Слова Канта о родителях и о сестрах следует рассматривать именно в этом контексте. Когда он говорит, что ему в детстве никогда не приходилось видеть ничего бесчестного и что ничто недостойное не осквернило родословной его родителей, он имел в виду эту нравственную концепцию чести, характерную для гильдий. Когда Васянский подчеркивает, что Шульц, поддерживая родителей Канта, делал это таким способом, который «не уязвлял самолюбие Канта и его родителей», он говорит именно об этом¹³⁵. Денежная милостыня была бы неприемлема. Помощь дровами –

зывал пиетизм с прусским правительством. Хотя он сожалел о том, что «король осмелился обуздать религиозную веру своих подданных и заставил их поверить в то, что, как он считал, было в их лучших интересах», он все же считал, что видимое «подавление мнений» (*Meinungszwang*) в действительности не было таким уж вредным (р. 8).

¹³⁵ Васянский, “Иммануил Кант в последние годы жизни”, *Кантовский сборник* № 3 (41), 2012, с. 92.

совсем другое дело.

Впрочем, для зрелого Канта честь была лишь очень неполным выражением нравственности. Почтенность или честность (*Ehrbarkeit*) – нечто сугубо внешнее¹³⁶. Поэтому она никак не может охватить истинной сути нравственности. В самом деле, Кант эксплицитно говорит, что «моральная культура должна основываться на принципах, не на дисциплине»¹³⁷ (потому что дисциплина уделяет основное внимание внешнему, просто предотвращая плохие привычки, в то время как максимы формируют нравственное достоинство), но также что

...эти максимы не могут быть максимами чести (*Ehre*), а только максимами права. Первые очень хорошо могут совпадать с отсутствием характера, а последние нет. Более того, честь – это нечто совершенно условное, ее нужно сперва, так сказать, изучить, она требует опыта. На этом пути о формировании характера задумываются лишь позднее, или даже, точнее сказать, оно становится возможным лишь позднее. Напротив, представление о праве заключено глубоко в душе каждого, даже самого изнеженного ребенка. Будет очень хорошо, если ребенка будут возвращать к вопросу: «Правильно ли так делать?», а не будут ему кричать: «Стыдись!»¹³⁸

---

¹³⁶ Кант, “Метафизика нравов”, с. 260, 511; Ak 6, p. 236, 464.

¹³⁷ Кант, “О педагогике”, с. 441; Ak 9, p. 480.

¹³⁸ Ak 9, p. 480. (Этот пассаж отсутствует в русском переводе «О педагогике». –

Соответственно, так же ошибочно утверждать, что простая нравственность гильдий, нравственность, основанная на чести, стоит у истоков моральной теории Канта, как ошибочно утверждать, что простой пиетизм родителей объясняет его зрелые взгляды.

Хотя детство Эмануила как «сына мастера» (*Meistersohn*) не объясняет позднейшего философского развития Канта, оно важно как фон, на котором Кант рос. По сути, одно невозможно понять без другого. Пиетизм помог тем, кто принял его, пройти через трудные времена кризиса системы гильдий. С его упором на «священство мирян», на индивидуальное изучение Библии и на сообщество, образуемое верующими, пиетизм гармонично сочетался с ценностями членов гильдии. Хотя пиетистов и называли еще *Mucker*, «подлизами», их практики подпитывали их чувство собственной независимости и автономии. В самом деле, ортодоксальное духовенство не могло принять в пиетизме, помимо прочего, то, что за каждым признавалось равное право толковать Библию и, соответственно, размывалось четкое различие между пастором и мирянином. Шаг от борьбы членов гильдии за независимость перед лицом гражданских властей (и от их более демократического понимания общественной организации) к замечанию Канта об идеальном обществе морально автономных личностей был большим, но этот шаг был не столь кардинален, как шаг от преданного послушания сло-

ву Господа и идеи братства во Христе к полной автономии, предписанной категорическим императивом. К худу или к добру, в первом прослеживается преемственность, а во втором виден радикальный разрыв¹³⁹. Независимый ремесленник находил пиетистскую проповедь приемлемой по меньшей мере отчасти потому, что пиетизм обещал независимость от некоторых устоявшихся в Пруссии XVIII века иерархий. То, что мать и отец Эмануила вынесли из пиетизма, было безусловно связано с тем этосом, в котором они выросли. В первую очередь они принадлежали к классу честных ремесленников (*ehrbare Handwerker*), и это по большей части

---

¹³⁹ Такие рассуждения о том, что могло или не могло повлиять на Канта в раннем детстве так, чтобы это сказалось на его зрелой работе, должны оставаться лишь рассуждениями. Как показала Мэри Фулбрук, пиетизм был, «очевидно, довольно гибкой идеологией, способной представлять множество различных социальных групп». Хотя он и не сводится к конкретным взглядам какой-либо из социальных групп, в XVIII веке в Кёнигсберге он отождествлялся с горожанами, ремесленниками, солдатами и рабочими. См.: Fulbrook, *Piety and Politics*, p. 43. Фулбрук также утверждает, что «особые обстоятельства индивидов» оказывают большое влияние на «содержание и силу религиозной ориентации» (p. 189). Я могу только согласиться с этим. Пуританство в Англии, пиетизм в Вюртемберге и пиетизм в Пруссии играли совершенно разные политические роли. Таким образом, «пуританство нельзя игнорировать в генезисе английского сопротивления абсолютистскому правлению, а пиетизм – в успешном становлении абсолютизма в Пруссии. Необходим анализ закономерностей сочетания элементов: способов взаимодействия различных проектов с различными ресурсами, целями и интересами в конкретных исторических ситуациях». Подобные же соображения касаются объяснения роли религии в жизни людей. Социальный слой, к которому принадлежит индивид, тут не менее важен, чем его религиозная ориентация. И жизнь лавочников и ремесленников в разных странах в XVIII веке не отличалась радикально.

определяло их моральные принципы.

Иными словами, от родителей Кант приобрел ценности мелкой буржуазии. Он узнал, насколько важны упорный труд, честность, опрятность и независимость. Также он научился осознавать ценность денег. В самом деле, в единственном описании родителей, которое у нас есть с его собственных слов, он отдельно подчеркивает, что родители не оставили ему ни денег, ни долгов, и все же хорошо подготовили для этого мира. Ценности, которые он получил, вряд ли могли существенно отличаться от тех, которые он приобрел бы, родись он в семье небольшого независимого ремесленника в Падуе, Эдинбурге, Амстердаме или Бостоне в начале XVIII века. Как и в доме Кантов в Кёнигсберге, религия играла определенную роль. Религиозная обрядность не была единственной, тем более самой важной целью в этой семье. Важно было тяжело трудиться, обслуживая покупателей, получать все необходимое для жизни, не вступая в сделки с совестью, жить достойно, соблюдать приличия соответственно положению, заботиться о семье, не влезать без особой надобности в долги и ни от кого не зависеть. Кант был обязан родителям этими человеческими качествами по крайней мере не меньше, чем какой-либо религиозной доктриной или образом жизни. И то, что его родители не только блюли приличия, но и искренне верили в необходимость жить достойно в глазах Бога, не меняет этого¹⁴⁰. Как бы то ни было, он скоро

---

¹⁴⁰ Можно сказать, что этос гильдий снабдил кантовскую нравственность неко-

узнает пиетизм с другой стороны.

торыми из ее материальных принципов, в то время как пиетистский упор на необходимости определенного рода мотивации оказал на кантовскую нравственность влияние как формальный принцип.

Школьные годы (1732–1740): «В рабстве у фанатиков»

Если при воспоминаниях о воспитании, полученном в доме родителей, Канта «охватывало чувство огромной благодарности», то школьные годы во Фридрициануме он вспоминал с ужасом. Гиппель, который позже станет одним из самых близких друзей Канта, писал:

Герр Кант, который тоже в полной мере пережил эти мучения юности, говорил, что все еще испытывает потрясение и ужас, вспоминая о своем рабстве в молодости, и это несмотря на то, что жил он в родительском доме, а в общественную школу, называемую тогда «приют пиетистов», или *Collegium Fridericianum*, только ходил¹⁴¹.

Похожие чувства испытывал Давид Рункен (1723–1798), один из школьных друзей Канта. Он начал письмо к Канту, датированное 10 марта 1771 года, так: «Тридцать лет прошло с того времени, когда мы оба стонали от той мрачной и все же полезной и не вызывающей возражений дисциплины фанатиков»¹⁴².

---

¹⁴¹ Гиппель, цит. по: Malter, *Kant in Rede und Gespräch*, p. 95. Мортцфельд, первый биограф Канта, говорил о «свинцовой атмосфере наказания» в этой школе (см.: Malter, *Kant in Rede und Gespräch*, p. 75).

¹⁴² Ак 10, p. 117.

Кант не был столь милосерден, как Рункен, — он остался невысокого мнения о нравственном воспитании, полученном в «приюте пиетистов». В «Лекциях о педагогике» он посчитал необходимым указать, что «многие люди думают, что их юношеские годы были самыми лучшими и приятными в жизни. Но это наверняка не так. Это самые тяжелые годы, потому что тогда приходится постоянно подчиняться дисциплине, редко можно найти настоящего друга и еще реже пользоваться свободой»¹⁴³. Так можно довольно сдержанно обобщить его взгляд на юность. Он считал, что дисциплина там приняла вид особенно жесткой формы рабства, которое было не только *не* особенно полезным, но и откровенно вредным. «В школе существует принуждение, механистичность и короткий поводок. Это зачастую лишает людей всякой смелости думать самостоятельно и портит гений»¹⁴⁴. По сути, более поздний энтузиазм Канта по поводу образовательной реформы и особенно его беспрецедентные усилия по поддержке «Филантропина» в Дессау под руководством Базедова показывают, насколько плохого мнения он придерживался о том образовании, которое дети получали во Фридрициануме.

Какое же образование получил Эмануил? Сначала он пошел в пригороде в так называемую *Hospitalschule*. Эта школа была связана с приютом святого Георгия. Там работал

---

¹⁴³ Кант, «О педагогике», с. 446; Ak. 9, p. 486.

¹⁴⁴ Ak 25.2 (Anthropologie Busolt), p. 1496.

один учитель, обычно не приписанный к приходу священник, чьи обязанности заключались вдобавок еще и в том, чтобы еженедельно посещать городскую тюрьму. Учителем Канта был Людвиг Бём, кандидат богословия, который занимал эту должность необычайно долго¹⁴⁵. Кант научился у Бёма основам «чтения, письма и арифметики» вместе с соседскими детьми, но ходил в эту школу недолго. Летом 1732 года, в восемь лет, он пошел в *Collegium Fridericianum*. История, по всей видимости правдивая, гласит, что Шульц был тем, кто первым заметил, что Кант подает большие надежды, и уговорил родителей отправить сына во Фридрицианум для подготовки к дальнейшему обучению богословию. Хотя Шульц тогда еще не был директором школы, он был уже с ней тесно связан. Более того, он всегда стремился набирать способных учеников. Таким образом, если он заметил одаренность Канта, то вполне мог пожелать направить его в правильное русло – на путь священника на службе у церкви, – и как можно скорее¹⁴⁶.

---

¹⁴⁵ См.: Heiner F. Klemme, *Die Schule Immanuel Kants. Mit dem Text von Christian Schif-fert über das Königsberger Collegium Fridericianum* (Hamburg: Meiner Verlag, 1994), р. 34. Школа была связана с той же больницей, в которой Кант позже нашел место для своей сестры.

¹⁴⁶ Клемме считает, что уже невозможно понять, был ли это Шульц, потому что Боровский (и все, кто следовали его изложению) ошибались в предположении, что Шульц уже был директором в 1731–1732 годах, в то время как он стал им на самом деле летом 1733 года. Возможно, Клемме излишне скептичен. У Шульца были хорошие связи, и теоретически он мог добиться принятия Канта в *Collegium* еще до того, как стал директором. Действительно, вполне вероятно,

Фридрицианум был, как мы уже увидели, пиетистским образовательным учреждением. Он был задуман вслед за Социальными учреждениями Франке (*Franckeschen Anstalten*) в Галле для двух целей. С одной стороны, нужно было спасти воспитанников от «духовной порчи», а соответственно «привить их сердцам истинное христианство, пока они юны». С другой стороны, нужно было улучшить «мирское благополучие» учеников, обучив их гуманитарным наукам¹⁴⁷. В школе учились дети и знати, и простолюдинов. Фактически учеников готовили на высокие гражданские и церковные посты. Для простолюдина, такого как Эмануил, поступить сюда означало получить возможность социального роста.

Большинство учеников жили в самом учреждении, но некоторым позволяли жить с родителями. Кант относился к последним, хотя ему приходилось преодолевать немалый путь до школы и обратно¹⁴⁸. Его дни были строго расписаны

что Шульц мог заметить молодого Канта. Форлендер утверждал, что Шульц часто посещал дом Канта и там с ним познакомился (Vorländer, *Immanuel Kant*, I, p. 20). Даже если Шульц никогда и не посещал Кантов, он был пастором Альтштадтской церкви, а школа находилась под надзором этой церкви. Другими словами, Шульц был начальником Бёма. Учитывая его склонность всё контролировать, он вполне мог надзирать над преподавательской деятельностью Бёма и таким образом познакомиться с юным Кантом в классе.

¹⁴⁷ Шифферт, цит. по: Klemme, *Die Schule Immanuel Kants*, p. 6.

¹⁴⁸ Кант, вероятно, был одним из многих учеников, чьим родителям не приходилось платить – или чьи родители платили очень мало – за образование своих детей.

и наполнены почти исключительно учебой. Уроки начинались в семь утра и заканчивались в четыре часа пополудни, с перерывом на обед с одиннадцати до часа. Занятия шли шесть дней в неделю с понедельника по субботу. Каникул было очень мало: всего несколько дней на Пасху, в Троицу и на Рождество, и один день после ежегодного государственного экзамена¹⁴⁹. Так что Эмануил уходил из дома почти на весь день шесть дней в неделю, а домашняя работа отнимала почти все оставшееся время, когда он возвращался домой. Даже по воскресеньям у него не оставалось свободного времени, потому что надо было ходить в церковь, а после – на уроки катехизиса. Этот тщательно контролируемый режим длился вплоть до поступления Канта в 17 лет в Кёнигсбергский университет.

Уроки проходили иначе, чем в большинстве других учреждений того времени: учеников направляли в разные классы только в соответствии с их знаниями и способностями. Так что кто-то мог ходить в первый класс по латыни, но быть во втором по религии и в третьем – по древнееврейскому. Завести друзей из-за такого распределения было нелегко.

Каждую дисциплину преподавали в специально отведенной для нее классной комнате, урок начинался и заканчи-

---

¹⁴⁹ Шифферт, цит. по: Klemme, *Die Schule Immanuel Kants*, p.109: «Поскольку невообразимо, какой вред наносится детям и как трудно им снова направить свою энергию на учебу после каникул, длящихся много дней или даже недель, то мы не соблюдаем каникул, которые приняты в других школах». Впрочем, время от времени один день можно было пропустить.

вался по звону колокольчика. В начале урока учитель читал «вдохновляющую, но короткую молитву», чтобы работа была «более богоугодной и более благословенной, но чтобы не терять времени, отпущенного на обучение». Перед обедом и в конце дня пели гимн. «Главной целью» всех предметов, пусть это и не всегда говорилось явно, было привести учеников «к Богу и славе его». Учителей призывали относиться к преподаванию как проходящему под надзором «вездесущего Бога»¹⁵⁰.

Предметы менялись каждый час. С семи до восьми утра проходили пять классов богословия; с восьми до десяти – шесть классов латыни; с десяти до одиннадцати три старших класса учились греческому, а остальные – снова латыни (упражнения по спряжению). С одиннадцати до полудня ученики обедали в оборудованных для этого комнатах, а учителя читали им «что-нибудь полезное». Далее следовал час игры во дворе под присмотром учителей. С часа до двух ученики расходились по разным урокам: кто-то учился логике, остальные – истории философии, географии, церковной истории или каллиграфии. С двух до трех преподавались древнееврейский и математика. По средам и субботам ученики по желанию могли также пойти на математику (*mathesis*) или пение в первые два часа пополудни.

В первый год религиозного образования ученики долж-

---

¹⁵⁰ Шифферт, цит. по: Klemme, *Die Schule Immanuel Kants*, p. 69.

ны были выучить наизусть Малый катехизис Лютера¹⁵¹. Им также в подобающей форме рассказывали некоторые библейские истории. Второй год был посвящен повторению Малого катехизиса в сопровождении частей из Большого катехизиса Лютера и дальнейшему чтению библейских историй. Программа третьего года описывалась так: «повтор всего предыдущего и местами добавление всего, что необходимо». Религиозное образование четвертого года было основано на *Ordnung des Heils in Tabellen* («Порядке спасения в форме таблиц») Кристофа Штарке (1684–1744)¹⁵². Вдобавок два часа в неделю были посвящены введению в Новый Завет¹⁵³. В последнем, пятом классе Новый Завет преподава-

---

¹⁵¹ Ak 8, p.323: здесь показаны некоторые последствия этого обучения: «Разве это не то же самое, как с катехизисом, который мы в детстве знали наизусть во всех подробностях и который, как нам казалось, мы понимали, но который мы понимаем все меньше по мере того, как становимся старше и более вдумчивыми – и потому заслуживали бы того, чтобы вернуться в школу, если бы только могли найти кого-нибудь (кроме нас самих), кто понимал бы его лучше».

¹⁵² Полное название второго издания на английском языке: Christoph Starcke, *Order of Salvation in Tabular Form for Students; in Part to Provide Them with the First Foundations of Theology, in Part to Repeat the Most Important and Most Necessary Parts of It in Order to Improve Their Recall; but Also for the Simple-Minded in Order to Give Them a Solid Conception of the Most Important Christian Doctrines which Will Enable Anyone to Impress Any Doctrine through the Added Duty and Comfort into the Heart, to Prove to Them Everything Sufficiently with Verses and to Lead Them to Scripture. Also Containing a Short Appendix of the Order of Duties in Life. Which Are Brought into This Form with Exceptional Industry for the Furthering of the Living Knowledge of God and Jesus Christ* (Erfurt, 1756). См. Шифферт в: Klemme, *Die Schule Immanuel Kants*, p. 7^{TM}.

¹⁵³ Для этого использовалась книга: Daniel Salthenius, *Introductio in omnes libros*

ли «более подробно». Два часа в неделю посвящались введению в Ветхий Завет. Учителя должны были показать, «что все может быть предметом *молитвы* и применяться к христианской жизни и принципам»¹⁵⁴. Последние два года были нацелены в особенности на то, чтобы подготовить ученика к дальнейшему изучению богословия в университете. Школьные учителя хорошо справлялись с этой задачей, поскольку большинство из них были студентами-теологами старших курсов Кёнигсбергского университета.

Эмануилу богословие давалось не слишком легко – по крайней мере, создается такое впечатление. В Пасху 1735 года, в начале третьего года в школе, он ходил в третий класс по латыни и по греческому и только во второй по арифметике и религии¹⁵⁵. И все же, хотел он того или нет, он прошел серьезную подготовку по богословию, прежде чем покинуть школу. Поскольку у него была невероятно хорошая память вплоть до последних лет жизни, можно предположить, что он никогда не забывал доктрин, которые вбили в него в самом ее начале.

---

sacros tam veteris quam novi Testamenti, ad usum studiosae iuventutis; cum praefatione de necessariis quibusdam studii exegetico-biblici subsidiis (Königsberg, 1736). Шифферт в: Klemme, *Die Schule Immanuel Kants*, p.72n. О значении «табличного метода» в пиелистской педагогике см.: Melton, *Absolutism and Compulsory Schooling*, P. 53–54.

¹⁵⁴ Шифферт, цит. по: Klemme, *Die Schule Immanuel Kants*, p. 71.

¹⁵⁵ Vorländer, *Kants Leben*, p. 25. Он был на первом курсе по древнееврейскому, но его не преподавали на самых низких уровнях. Арифметика тоже состояла всего из трех классов.

Другие уроки тоже велись в интересах религиозного образования. Это справедливо в особенности для древнееврейского и греческого. Что касается древнееврейского, которому учили в трех классах, то от учеников ожидали, что они прочитают Пятикнижие Моисея, а также исторические книги и псалмы Давида. Четвертый и пятый год греческого были посвящены не только повторению грамматики, но и чтению Нового Завета. Только после прочтения целиком *всего* Нового Завета на греческом учеников знакомили с классическими греческими авторами. При этом они учились по «Хрестоматии» Иоганна Матиаса Геснера (1691–1761), впервые вышедшей в 1731 году. В ней содержались выдержки из Аристотеля, Секста Эмпирика, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Теофраста, Плутарха, Лукиана и Геродиана. Ученики также читали кое-что из Гомера, Пиндара и Гесиода. Хотя они таким образом и получали некоторое представление о классической античности, главный упор ставился все-таки на богословие.

Основой обучения во Фридрициануме была латынь¹⁵⁶. Ученики не просто проводили большую часть времени, изучая латинский язык, это была самая важная дисциплина. Всего было шесть классов латыни, занимавших до 18 часов в неделю на начальных годах обучения и до шести на последних. На большинстве из этих уроков внимание уделялось словарному запасу, спряжению, склонению и правилам

---

¹⁵⁶ Слова Форлендера (*Kants Leben*, p. 27).

грамматики. К третьему году от учеников ждали, что они будут читать Корнелия Непота, на четвертом году всего Непота повторяли и читали что-то из Цицерона и поэзии. На пятом году читали Цезаря и снова Цицерона, на шестом – Цицерона (*De officiis*, среди прочих работ), Мюре, Курция и Плиния. Большое внимание уделялось устной речи и навыкам письма на латыни. Поэтому в двух старших классах ученикам разрешалось говорить друг с другом и с учителями только на латыни.

Эмануилу легко давался латинский, и те, кто знал его тогда, думали, что он изберет античную литературу для дальнейшего изучения. Рункен говорит, что с Пасхи 1739 до сентября 1740 года его самого больше интересовала философия, а Эмануила – античность¹⁵⁷. Эмануил и Давид вместе с Иоганном Кунде (1724/1725-1759), еще одним другом, читали классических авторов после уроков, восполняя тем самым скудный школьный список чтения. Рункен, у которого было больше денег, чем у двух его бедных друзей, покупал книги. Уже подумывая о писательстве, они хотели назваться латинизированными именами: Кантиус, Рункениус и Кундеус¹⁵⁸. Кант остался высокого мнения о древних ав-

---

¹⁵⁷ Vorländer, *Kants Leben*, p. 32; Rink, *Ansichten*, p. 20; Боровский, по сути, рассказывает то же самое.

¹⁵⁸ См. также: F.A.Gotthold, “Andenken an Johann Cunde, einen Freund Kant’s und Ruhnken’s,” *Neue preussische Provincial-Blätter*, second series, 3(1853), p. 241–258. Кунде родился в 1724 или 1725 году и учился в той же начальной школе, что и Рункен. Так что Рункен и Кунде знали друг друга до приезда в Кёнигсберг.

торах и читал их всю жизнь. Сенека и, возможно несколько неожиданно, Лукреций и Гораций оставались его любимыми авторами, но и других латинских классиков он знал хорошо. Боровский и другие рассказывали, что даже в старости Кант цитировал по памяти длинные отрывки из своих любимых произведений¹⁵⁹. Греческой литературой он интересовался меньше. В его опубликованных работах можно найти всего несколько греческих слов, и он никогда не пользовался греческим в эпиграфах своих книг. Это не означает, что он не умел читать по-гречески. Не означает это и того, что он не интересовался греческой философией. Совсем напротив. Как мы увидим, именно открытие заново греков и их философского наследия помогло ему прояснить собственные взгляды в решающий момент его философского развития.

Неудивительно, что любимым учителем Канта был тот, кто научил его латыни. Его звали Иоганн Фридрих Гейденрейх¹⁶⁰. Ничего не говоря о других учителях, Кант хвалил Гейденрейха даже под конец жизни. Этот «хороший человек» не только укрепил любовь Канта к классическим латинским авторам, но во многом именно благодаря ему Кант хорошо знал античность. Кроме того, Кант был благодарен

Кунде пришел во Фридрицианум в 1735 году со стипендией. Он жил в школе и закончил ее в 1741 году. Как и Кант, он потом учился в Кёнигсбергском университете.

¹⁵⁹ Borowski, *Leben*, p. 39.

¹⁶⁰ Borowski, *Leben*, p. 38.

ему за то, что тот старался научить его ясно мыслит¹⁶¹. Когда Кант впоследствии жаловался, что лучше было бы, если бы в школе учили «духу», а не просто «фразам» древних авторов, он говорил вовсе не о Гейденрейхе. Этот учитель был для Канта близок к идеалу и вдохновлял его и его друзей изучать латинских авторов даже вне уроков.

Были еще уроки географии и истории, но они не были столь важны. Более того, поскольку на уроках истории изучали по большей части историю Ветхого и Нового Заветов, ученикам они казались продолжением религиозного обучения. Каллиграфия, искусство красиво писать от руки, кажется, не входила в число любимых предметов Канта. Это был единственный предмет, где его перевели из более высокого года обучения на более низкий.

Французский не был обязательным предметом. Ученики могли изучать его по выбору на трех дополнительных занятиях по средам и субботам. Кант так и сделал. Перед учителем не стояло задачи научить учеников бегло говорить по-французски, но они могли научиться довольно неплохо читать любого французского писателя. Таким образом, мы можем предположить, что Кант умел читать по-французски и понимал устную речь, даже если говорил он, возможно, не так хорошо¹⁶². Примечательно, впрочем, что Кант записался

---

¹⁶¹ Borowski, *Leben*, p. 38; Reicke, *Kantiana*, p. 39, 43.

¹⁶² См. также: Jachmann, *Kant*, p. 148: «Из современных языков он понимал французский, но не говорил на нем».

на французский, ведь за него надо было платить отдельно¹⁶³. Английский не входил в учебную программу. На самом деле, даже в Кёнигсбергском университете он стал отдельной дисциплиной значительно позднее, чем Кант начал там учиться. Поэтому маловероятно, чтобы Кант где-то формально обучался английскому. Он, наверное, мог бы расшифровать, о чем идет речь в том или ином англоязычном пассаже, но действительно прочесть его – вряд ли.

Арифметика тоже считалась не столь важной, как латынь. Было всего три класса, и они не выходили за пределы элементарных основ. *Mathesis*, более продвинутая математическая дисциплина, тоже была по выбору (и за нее тоже надо было платить отдельно). Она была построена так, чтобы познакомить учеников с основными принципами математики в виде арифметики, геометрии и тригонометрии. На уроках использовался учебник Вольфа *Auszug aus den Anfangsgründen aller mathematischen Wissenschaft* («Выдержки из первых начал всех математических наук»)¹⁶⁴. От учеников не ждали особых успехов в этой дисциплине, поэтому учителей просили только проследить, чтобы ученики научились понимать, доказывать и решать все «самое важное». Учитель должен был дать им «представление о математическом учении, чтобы их рассудок был подготовлен и натренирован для изучения дру-

---

¹⁶³ Шифферт в: Klemme, *Die Schule Immanuel Kants*, p. 105.

¹⁶⁴ Шифферт в: Klemme, *Die Schule Immanuel Kants*, p. 88 (книга впервые вышла в 1717 году).

гих наук»¹⁶⁵. И даже этот уровень, по-видимому, был выше того уровня, которого можно было ожидать от студента-богослова. Благодаря этим урокам Эмануил знал математику лучше, чем средний ученик в Пруссии, но его начальное образование по этой дисциплине значительно отставало от более поздних стандартов.

То же самое можно сказать и о философии. Хотя это был обязательный предмет, а не факультатив, кажется, его преподавали только один год. Если считать школьную библиотеку для учителей показателем того, чему учили в классе, то эта дисциплина была полностью вольфианской по взглядам. Философия была одним из уроков, где ученикам позволялось «вступать в спор» друг с другом. Как бы то ни было, сам Кант позже сказал одному из школьных друзей (Кунде): «Эти господа не смогли раздуть пламя из той искры, что тлела в нас к философии или к математике» – на что его друг, говорят, ответил: «Но им неплохо удавалось ее задуть»¹⁶⁶.

Образовательный дух этой школы хорошо подытоживает утверждение ее директора Шифферта: «повторение – это душа учения: чтобы то, что однажды было выучено, уже никогда не забылось». Специально для повторения выделялись еженедельные классные часы; каждый урок начинался с повторения материала, изученного в прошлый раз. За три недели до экзаменов повторяли весь материал, изученный за пол-

---

¹⁶⁵ Klemme, *Die Schule Immanuel Kants*, p. 88.

¹⁶⁶ Borowski, *Leben*, p. 91.

года. Шифферт считал, что если что-то повторить три раза, то это «твердо запечатлится в памяти»¹⁶⁷. Вероятно, он был прав, но едва ли уроки от этого становились увлекательнее. Кант много позже одобрил такой подход, утверждая, что «культура памяти очень важна» и что мы знаем столько, сколько удерживаем в памяти. Не был он против и механических методов заучивания слов и другого материала¹⁶⁸. Впрочем, он считал, что «нужно возвращать понимание» и что «знать, что» постепенно должно связаться со «знать, как». Он считал, что лучше всего для этого подходит математика. Поскольку во Фридрициануме не очень хорошо учили математике, можно предположить, что он едва ли думал, что школа преуспела в обучении пониманию.

Пиетисты не были противниками телесных наказаний, но и не считали их лучшим способом дисциплинарного воздействия на детей. Как отмечает Мелтон, дисциплина «в школах Франке была относительно мягкой для тех дней. Теория наказания Франке отражала усилия пиетистов по субъективизации принуждения, переводу его извне вовнутрь индивида». Пиетисты уделяли большое внимание «интроспекции как инструменту развития самодисциплины»¹⁶⁹. Во Фридрициануме каждый ученик, шедший на причастие, был обязан заранее «составить отчет о состоянии своей души». Этот

---

¹⁶⁷ Шифферт в: Klemme, *Die Schule Immanuel Kants*, p. 91.

¹⁶⁸ Кант, «О педагогике», с. 433–434; Ak 9, p. 472–473.

¹⁶⁹ Melton, *Absolutism and Compulsory Schooling*, p. 42.

отчет сдавали одному из надзирателей, и тот проверял, готов ли ученик к причастию. Если этого было недостаточно, ученику велели принести надзирателю запечатанный отчет от учителей, где излагалось, существуют ли проблемы, которые не позволяют допустить ученика к причастию¹⁷⁰. Если отчеты учителя и ученика заметно отличались, ребенку делали выговор.

Взрослый Кант питал откровенную неприязнь к того рода интроспекции, которой обязаны были заниматься ученики. Он утверждал, что подобное «наблюдение за собой» или такое «методическое сопоставление воспринятого нами в самих себе, дающее материал для дневника человека, наблюдающего за самим собой, легко может привести к энтузиазму и безумию»¹⁷¹. Несомненно, его отвращение к такому самонаблюдению отсылает к тому самому времени принудительных докладов о «состоянии души».

В идеале задачей было научить учеников самодисциплине, но на практике, по всей видимости, дела обстояли совершенно иначе. Один из первых биографов Канта, Иоганн

---

¹⁷⁰ Шифферт в: Klemme, *Die Schule Immanuel Kants*, p. 97.

¹⁷¹ Кант, “Антропология с прагматической точки зрения”, с. 148 (перевод изменен. – *Прим. ред.*); Ak 7, p. 132–133. Самоанализ такого рода не следует путать с *Höllenfahrt der Selbsterkenntnis* («нисхождением самопознания в ад»), которое для Канта является необходимым условием становления нравственности (см.: Кант, “Метафизика нравов”, с. 485; Ak 6, p. 441 и сопутствующие места). Кант старательно отличал его от «энтузиастичного» осуждения нас самих, практикуемого пиетистами. См.: Klemme, *Die Schule Immanuel Kants*, p. 44П.

Кристоф Мортцфельд, говорит о «свинцовой атмосфере наказания», царившей во всей школе¹⁷². Сам Кант подтверждает этот факт, когда рассказывает Яхману, что все его учителя, за исключением одного, пытались поддерживать дисциплину тем, что были очень строгими, но им этого не удавалось¹⁷³. Поскольку Кант был трудолюбивым и старательным и почти всегда заканчивал класс как *Primus* (учеником с самыми высокими оценками), его, вероятно, наказывали не часто¹⁷⁴. Однако если, например, он не мог по указанию учителя достать учебники, потому что забыл их, когда остановился поиграть, его, вероятно, каким-то образом наказывали¹⁷⁵. Позже он расскажет историю о том, как «когда он еще был школьником, один нахальный мальчишка подошел к инспектору Шифферту и спросил его: это школа пиетистов? Услышав это, инспектор основательно его поколотил, ответив: те-

---

¹⁷² Мортцфельд, цит. по: Malter, *Kant in Rede und Gespräch*, p.75; см. также: G. Zippel, *Geschichte des Königlichen Friedrichs-Kollegiums zu Königsberg Preussen, 1698–1898* (Königsberg, 1898), p. 114f, согласно которому для телесных наказаний применялся кнут.

¹⁷³ Jachmann, *Kant*, p. 135. Не столь строгим учителем, вероятно, был Гейденрейх. Кант описывал его как учителя с хрупкой и забавной фигурой, который всегда вызывал большое внимание, послушание и уважение у него [то есть у Канта] и у некоторых других учеников, потому что они могли многому научиться на его уроках». Встает вопрос о том, сколько «внимания, послушания и уважения» вызывали другие учителя.

¹⁷⁴ Borowski, *Leben*, p. 39.

¹⁷⁵ Jachmann, *Kant*, p. 135.

перь ты знаешь, где школа пиетистов»¹⁷⁶. Даже если к самому Канту никогда не применяли телесных наказаний, они были частью его повседневного опыта.

В то время Кант потерял мать. Она умерла за три года до того, как он закончил школу. С тех пор они с сестрами и братом могли положиться только на отца. К «свинцовой атмосфере» в школе прибавился не слишком радостный климат дома. Неудивительно, что Кант не любил вспоминать школьные годы.

Под конец учебы в школе Эмануил был отлично подготовлен к тому, чтобы пойти на курс обучения богословию, праву, философии или античной литературе. Хотя теоретически он мог бы учиться медицине или естественным наукам, он не был достаточно подготовлен к этим дисциплинам и не получал для этого поддержку в школе. С другой стороны, Фридрицианум хорошо подготовил его к жизни в Пруссии XVIII века, обеспечив надежным фундаментом для карьеры в лютеранской церкви или в прусском государстве при Фридрихе Вильгельме I.

К критическому или независимому мышлению Канта побуждало не образование. Оно было типичным для своего времени, но во Фридрициануме, вероятно, уделялось больше внимания послушанию и дисциплине, чем в аналогичных школах в других немецких землях. Одним из главных идеалов пиетистского образования было культивирование само-

---

¹⁷⁶ Hasse, *Merkwürdige Äußerungen*, p. 34.

дисциплины. Пиетисты стремились подчинить не только тело, они хотели управлять умом, прививая определенные религиозные и моральные принципы. В конечном счете их целью было «обратить» учеников из «детей мира» в «детей Бога». Ради этого они считали необходимым тренировать не только их разум, но и волю. Кроме того, Франке, вдохновивший пиетистов Кёнигсберга в их образовательных практиках, считал:

...прежде всего, необходимо сломить природное своенравие ребенка. Учитель, который пытается сделать ребенка более образованным, заслуживает похвалы за возвращение его способности понимания, но этого недостаточно. Он забывает о самой важной задаче: подчинить волю¹⁷⁷.

Может казаться противоречивым, что добровольного обращения можно добиться, сломив своенравие ребенка, но в глазах пиетистов это не выглядело противоречием. Они рассматривали этот слом лишь как первый шаг в так называемой *Bußkampf* (борьбе покаяния) по направлению к *Durchbruch* (прорыву). Соответственно, религиозные взгляды, которые школа пыталась привить ученикам, были несколько необычными. Все другие школы того времени тоже уделяли большое внимание формальной стороне религии, но не требовали того рода пиетистской убежденности,

---

¹⁷⁷ Francke, *Kurzer und einfältiger Unterricht*, p.15; см. также: Melton, *Absolutism and Compulsory Schooling*, p. 43.

которой желали добиться некоторые кёнигсбергские пиетисты.

Неудивительно, что Кант хорошо понимал эту сторону их взглядов – и отвергал ее целиком. Это была «гипотеза», что

...водораздел между добром и злом (то, чем амальгамирована природа человеческая) происходит с помощью сверхъестественной операции сокрушения и надрыва сердца в *покаянии*, то есть граничащей с отчаянием и достигающей необходимой степени лишь с помощью небесного духа скорби, о которой человек сам должен молить, сокрушаясь о том, что он все еще недостаточно страдает¹⁷⁸.

Это отвращало Канта. Он считал это лицемерием, поскольку горевание и раскаяние в конечном счете не являются ответственностью того, кто должен быть обращен. Ему казалось невозможным то, что, как считалось, должно было привести к радикальному обращению, отличающему истинного христианина от христианина лишь на словах. Следуя этой гипотезе, мы никогда не можем знать, действительно ли мы обращены, потому что это предполагало бы знание непознаваемого сверхъестественного воздействия. Более того, пиетиста можно отличить от других людей по тому, что он целиком и полностью во всем полагается на Бога и отказывается от любой нравственной автономии. В то же вре-

---

¹⁷⁸ Иммануил Кант, *Спор факультетов* (Калининград: Издательство КГУ, 2002), с. 136-138; Ак 7, р. 55.

мя пиетист склонен проявлять некоторую ложную гордость, как тот, кто принадлежит к немногим «избранным», к тем, кто будучи детьми Божиими, спасен и составляет христианскую элиту. Зрелый Кант отрицал оба аспекта образа жизни пиетистов. Первый был для него проявлением «рабского (*knechtische*) состояния духа»¹⁷⁹. Вторым оправдывал в его глазах «некоторое презрение», с которым «всегда связывалось» слово «пиетизм»¹⁸⁰. Неясно, думал ли он так о пиетизме уже в 1740 году, но это вполне вероятно, учитывая, что его друг Рункен писал, что они оба «стонали» от жестокой дисциплины фанатиков в 1732–1740 годах. Если пиетизм и повлиял на Канта, то только отрицательно. Возможно, именно из-за того, что он был знаком с пиетизмом, он почти полностью отрицал роль чувства в морали. Как бы то ни было, взгляды Канта на нравственность и религию выдают определенную антипиетистскую направленность. Упор Канта на автономию как ключ к морали – это и отказ от упора пиетистов на необходимость сверхъестественного воздействия на человеческую волю. Зрелая философия Канта характеризуется, по крайней мере отчасти, борьбой за легитимацию автономной морали, основанной на свободе воли, и на это также нужно смотреть как на борьбу против тех, кто стремится пора-

---

¹⁷⁹ Иммануил Кант, “Религия в пределах только разума”, в: Кант, *Собр. соч.* 6, с. 201; Ak 6, р. 184. (*Knechtische* также можно было бы перевести как «прислужливое», «раболепное» состояние духа. – *Прим. ред.*) См. также: Кант, “Религия в пределах только разума”, с. 23; Ak 6, р. 24.

¹⁸⁰ Кант, *Спор факультетов*, с. 142; Ak 7, р. 57.

ботить нас, сломив нашу волю. Эта борьба началась в юности Канта, пусть даже ему потребовалось немало времени, чтобы сформулировать аргументы против тех, кто стремился к выработке раболепного состояния духа и к принижению человеческой природы как низкой по сути. Абсурдно утверждать, что пиетизм оказал большое влияние на его моральную философию¹⁸¹.

Учителя Фридрицианума не сломили волю Эмануила, но это не означает, что они не пытались. Эмануил сопротивлялся давлению, которому почти невозможно было сопротивляться. Можно не сомневаться, что он реально не испытал требуемого преобразования и не сделал вид, что испытал его, как многие из других учеников. «Потрясение и ужас», которые он испытывал, «вспоминая о своем рабстве в молодости», больше относились к давлению, предназначенному подтолкнуть его к обращению, чем к интеллектуальным требованиям, предъявляемым ему учителями. В том периоде его жизни таятся истоки его отвращения к молитве и распеванию гимнов и его сопротивления любой религии, основанной на чувстве и сентиментах. В этом смысле воспитание Эмануила не слишком отличалось от воспитания Фридриха II, которое тоже было охарактеризовано как «хроника стра-

---

¹⁸¹ См., однако: Иммануил Кант, “Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане”, в: Кант, *Собр. соч.* 8, с. 18; Ak 8, p. 23. Тут мы находим отголосок этого взгляда в словах Канта, что человек есть животное, которое «нуждается в господине», ломающем его волю, что этот повелитель должен быть человеком и что поэтому совершенство на Земле невозможно.

дания»¹⁸². Набожный, но суровый отец Фридриха хотел вырастить мужчину из женоподобного, по его мнению, мальчика, пользуясь теми же методами, что и пиетисты. Хотя обстоятельства юности Канта гораздо менее драматичны, все говорит о том, что он так же сопротивлялся обращению. Как и принц, который был на двенадцать лет его старше, Кант отвернулся от самокопания и самобичевания пиетистов к другим образцам. Эмануил нашел их в латинской классике; молодой Фридрих отыскал их в современной французской литературе. Оба отказались от религиозного образа жизни родителей.

Это одна из причин, почему Кант высоко ценил Фридриха и называл период его правления не только «временем Просвещения», но и «веком Фридриха». Как и Фридрих, он считал, что в юности с ним «обращались как с рабом», но, как и Фридриха, его не сломили. Подчиниться учителям означало бы «руководство со стороны кого-то другого» всю жизнь. Мы не знаем, сформулировал ли Кант эту мысль для себя в школьные годы, но позже он в этом глубоко убедился¹⁸³. Он признавался, что

...каждому отдельному человеку трудно выбраться из состояния несовершеннолетия (*Unmündigkeit*),

---

¹⁸² Gerhard Ritter, *Frederick the Great*, tr. Peter Paret (Berkeley: University of California Press, 1974), p. 23.

¹⁸³ Иммануил Кант, «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?», в: Кант, *Собр. соч.* 8, с. 35; Ak 8, p. 40.

ставшего для него почти естественным. Наставления и предписания – эти механические орудия применения разума или, вернее, злоупотребления его природными дарованиями – представляют собой кандалы постоянного несовершеннолетия. Даже тот, кто сбросил бы их, сделал бы лишь неуверенный прыжок через небольшую канаву, так как он не привык к такого рода свободному движению. Вот почему лишь немногим удалось благодаря совершенствованию своего духа выбраться из состояния несовершеннолетия и сделать твердые шаги¹⁸⁴.

Кант в 1740 году был еще далек от «неуверенного прыжка через небольшую канаву», и, возможно, сама канавка была не столь узкой, как ему казалось, когда он писал этот текст.

Следует добавить, что во времена молодости Канта мужчины и женщины в Кёнигсберге вели раздельный образ жизни, и атмосфера была довольно чопорной. Так, молодой женщине считалось неприличным произнести даже слово «беременная», а показывать открытую «шею, спереди или сзади» было строго *verboten*¹⁸⁵. Образование, особенно в среде ремесленников, получали лишь мужчины. Вообще, девушки редко получали хорошее образование, их учили только самым основам чтения, письма и счета. Девиз *Kinder, Küche,*

---

¹⁸⁴ Иммануил Кант, “Ответ на вопрос: что такое Просвещение?”, с.30; Ak 8, р. 36.

¹⁸⁵ Johann George Scheffner, *Mein Leben, wie ich es selbst beschrieben* (Leipzig: J. G. Neubert, 1816; 2nd ed. 1823).

Kirche действительно во многом определял жизнь женщины. Соответственно, у Канта, как почти у всех его современников, редко был повод для социального взаимодействия с противоположным полом.

Кёнигсберг: «Подходящее место для расширения, знания о мире»?

Юность Канта характеризовалась разительным контрастом между любящим домом, где его поощряли и принимали, и суровой и мрачной школьной жизнью, где природные задатки по большей части подавлялись. Хотя и семья, и школа были религиозными, и более того – пиетистскими, контраст между ними был на редкость разителен. Канту повезло больше, чем некоторым его друзьям. Ему не нужно было жить во Фридрициануме, он мог сбегать по вечерам домой; и поскольку ему приходилось ежедневно преодолевать долгий путь по улицам Кёнигсберга, он узнал жизнь еще с одной стороны.

Кёнигсберг часто описывают как пустынный и изолированный «захолустный городок» Германии XVIII века или «пограничный город» Пруссии. И то и другое неверно. Кёнигсберг носил в каком-то смысле «островной» характер, будучи расположен в северо-восточном углу Пруссии возле русской границы, и ближе к Польше, чем к Западной Пруссии. И все же это был очень важный город. Основанный в 1255 году тевтонскими рыцарями, он присоединился к Ганзейскому союзу в 1340 году и был столицей всей Пруссии до 1701 года. Когда родился Кант, Кёнигсберг был столицей только Восточной Пруссии, но все еще одним из трех или

четырёх самых важных городов королевства¹⁸⁶. Там оставалось значительное число правительственных учреждений, а также большой контингент военных. Расположенный в заливе Балтийского моря, он был важной торговой точкой, связывающей всю Восточную Европу с другими морскими портами Германии и Европы. В Кёнигсберге велись дела главным образом с Польшей, Литвой, Англией, Данией, Швецией и Россией. Основными товарами из Восточной Европы были зерно, конопля, лен, поташ, дерево, деготь, воск, кожа и шкуры, а с Запада — соль, рыба, сукно, цинк, свинец, медь, специи и южные фрукты¹⁸⁷. Оживлённый портовый город, Кёнигсберг можно сравнить с Гамбургом и другими ганзейскими городами. Его главным соперником был Данциг.

Кёнигсберг рос на протяжении всего XVIII века. В 1706 году там проживало около 40 000 жителей, в 1770 — около 50 000, а в 1786 — почти 56 000¹⁸⁸. Он также оставался одним из главных урбанистических центров королевства¹⁸⁹. Кёнигсберг был более прусским городом, чем большинство остальных городов Пруссии. Прусское государство все еще

---

¹⁸⁶ Я не собираюсь описывать конституционную историю Пруссии и роль Кёнигсберга в ней, а просто отмечаю некоторые важные вехи в истории города. Например, король был не «королем Пруссии», а просто «королем в Пруссии».

¹⁸⁷ Fritz Gause, “Königsberg als Hafen- und Handelsstadt,” in *Studien zur Geschichte des Preussenlandes*, ed. Ernst Bahr (Marburg: N. G. Elwert Verlag, 1963), p. 342–352, 343.

¹⁸⁸ В эти цифры не входят военные (еще 7000 или 8000 человек).

¹⁸⁹ Stavenhagen, *Kant und Königsberg*, p. 9.

было слабым. В самом деле, большинство его жителей считали себя не «пруссаками», а скорее «берлинцами», «вестфальцами» или гражданами Клеве или Миндена. Кёнигсберг был исключением. Собственно говоря, единственными, кто заслуживал имя «пруссаков», были жители Кёнигсберга и окрестностей. Поскольку прусский король жил в Берлине, Кёнигсберг был теснее связан с Берлином, чем большинство других городов.

Длань короля простиралась далеко. Как можно увидеть по спору между пиетистами и ортодоксальными священниками, у Кёнигсберга были тесные связи и с Галле, и с Берлином. Более того, там находились некоторые важные учреждения Пруссии, и правительственные чиновники имели немалое влияние в городе. Фридрих Вильгельм I был набожным, но суровым монархом. Никто, кроме его армейских офицеров, не был застрахован от его палки. Он жестоко наказывал тех, кто, как он считал, плохо выполнял свой долг. Хотя Кёнигсберг был слишком далеко, чтобы действовать лично, декреты, указы и законы исполнялись здесь почти немедленно. Фридрих Вильгельм I разработал очень подробные правила почти для всего, от воспитания учеников и экзаменов в университетах до «обучения садовников, мельников, фонарищиков» и проповедников. Штрафы, которые он ввел, были иногда чрезмерными, иногда просто странными. Пастор, проповедовавший более часа, должен был заплатить два талера штрафа; любого, кто экспортировал сырую шерсть за грани-

цу, могли приговорить к виселице (потому что Пруссии был выгоден экспорт только обработанной шерсти). В 1731 году в Кёнигсберге повесили чиновника, взявшего небольшую сумму из бюджетных денег, хотя финансовое управление подало прошение о помиловании. Виселицу поставили прямо перед дворцом, дабы все чиновники могли ее видеть. Тело чиновника провисело там весь день, после чего его сняли и бросили за городские ворота на растерзание воронам¹⁹⁰

---

¹⁹⁰ Gause, *Königsberg*, II, p. 53; см. также: Robert Ergang, *The Potsdam Führer: Frederick William I, Father of Prussian Militarism* (New York: Octagon Books, 1972, reprint of Columbia University Press, 1941), p. 118–119.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.